

Дом
вокруг
дерева

М. АНИСОВА

Мария Анисова

Дом вокруг дерева

«Автор»

2025

Анисова М. А.

Дом вокруг дерева / М. А. Анисова — «Автор», 2025

Студентка истфака Дарья выигрывает путёвку в "Домик одиночества". Оставшись без посторонних глаз, она планирует закончить свою жизнь, которая, как ей кажется, не имеет смысла. Одна внезапные гости разрушают её планы. Даша узнаёт, что всё, что происходит на Земле -- симуляция, и переносится в своё настоящее тело. Ей предстоит осознать, какой на самом деле была её жизнь, и определить судьбу родной планеты.

© Анисова М. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
Книга 1. Ис	7
Глава 1. Прямой эфир	7
Глава 2.	10
Глава 3. Стук в дверь	15
Глава 4. Сон в летнюю ночь	19
Глава 5. Пробуждение	22
Глава 6. Ахор	26
Глава 7. Венец творения	30
Глава 8. Розовый закат	33
Глава 9. Гости радужного дома	37
Глава 10. Вечером во ржи	41
Глава 11. Голос с небес	45
Глава 12. Распад	49
Глава 13. Путь к бесконечности	53
Глава 14. Неидеальный план	59
Глава 15. Бесконечная пропасть	63
Глава 16. Замочная скважина	67
Глава 17. Вспышка	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мария Анисова

Дом вокруг дерева

Посвящается сэру Максу, вдохновившему меня начать эту книгу,

и моей подруге Тане, вдохновившей её дописать

Пролог

Все войны ведутся на уничтожение. И это была последняя война, потому что после неё не осталось никого.

Нет, формально она всё ещё продолжалась: запускались отсроченные во времени старты разрушительных боеголовок, взрывались уже лежавшие в руинах планеты и звёздные системы. Только вот тех, для кого их создавали, уже не было. И тех, кто создавал, тоже.

Спустя несколько лет взрывы утихли. Вселенная медленно развеивала тяжёлую пыль и сталкивающиеся обломки, растворяя их в и без того победившем Хаосе, пока не наступила абсолютная тишина и не прекратилось движение.

Так продолжалось долго. Очень долго, может, миллионы лет, может, миллиарды, а может, и не придумано ещё было подходящего числа. Но точно не дольше, чем существовала сама Вселенная, потому что обломки последней войны не распались до атомов. И однажды...

Одна крохотная металлическая плата, дрейфуя в пространстве, подлетела к другой. Они покружились в невесомости и вдруг соединились – подошли друг к другу как две детали мозаики.

...однажды из Хаоса начал рождаться Порядок.

Книга 1. Ис

Глава 1. Прямой эфир

Архивная запись № 28072025

В телестудии царило необыкновенное оживление. Звукорежиссёры и световики внимательно проверяли технику, сосредоточенный ведущий переминался с ноги на ногу, читая про себя текст, и даже зрители из массовки, получившие за присутствие свои законные пятьдесят рублей, совершенно искренне демонстрировали интерес на добрую сотню.

В ближайший час в прямом эфире планировалось огласить результаты розыгрыша. Чтобы принять в нём участие, необходимо было лишь отправить заявку по электронной почте, а единственный победитель определялся случайным образом. Что же касается главного приза, то он был на тот момент совершенно беспрецедентным – неделя в лесном домике, без интернета, связи и соседей. Единственное условие – прожить отведённый срок в полном одиночестве, а затем прийти в студию и в красках поведать о том, что произошло. Сценарий был уже готов – в нём даже присутствовал «эксперт», который должен истерически сорваться на главного героя за его слова о том, как современному человеку необходимы всяческие гаджеты.

На экране зрителям уже демонстрировали сам домик, построенный специально для розыгрыша. Сначала показывали съёмки местности с квадрокоптера: густой, как и полагается в заповеднике, хвойный лес, озерцо, скалистый пригорок и ни единой души до самого горизонта. Затем камера спустилась ниже и обратила объектив на затерявшийся среди колючих зелёных лап одноэтажный домик из дерева, построенный в виде шара и почти полностью состоящий из панорамных окон. Сверху шар был слегка срезан, чтобы сделать ровную площадку на крыше – с телескопом для наблюдения за звёздами. Камера залетела внутрь, к ожидавшему её там счастливому журналисту, радостно демонстрировавшему полный холодильник еды на любой вкус, милую маленькую кухонку, джакузи и потолок, разрисованный под космос.

«Но главное, – восхищался корреспондент, – это экологичность! Так как домик находится в природоохранной зоне, мы не срубили под фундамент ни одного дерева. Поэтому огромный дуб, растущий здесь, дизайнеры органично вписали в интерьер стиля лофт».

Оправдав новомодным стилем работу неумелых гастарбайтеров, которым притом поставили очень маленькие сроки, чтобы успеть к эфиру, камеру перевели на ствол дерева. Оно росло прямо посередине, уходя корнями в круглое отверстие в полу, а верхней частью ствола – в такого же диаметра дыру в разукрашенном потолке.

– Райское местечко, оборудованное всем необходимым... Кроме, разумеется, интернета и связи. Любой человек, живущий до нашего века, без раздумий согласился бы туда переехать. Но захотят ли современные люди отказаться от всемирной паутины, соцсетей и прочих затягивающих радостей в пользу осмысленного одиночества? – вещал ведущий с тем же повторяющимся видео с квадрокоптера на фоне, – Оказалось, желающих всё-таки немало! За месяц мы получили более трёх миллионов заявок от людей со всего света! И прямо сейчас, на ваших глазах, мне вынесут записку с именем того счастливчика, который уже завтра окажется полноправным хозяином этого замечательного лесного домика!

Прожекторы повернули к кулисам. Оттуда засеменила на шпильках хорошенькая блондинка с конвертом в руках. Ведущий поблагодарил её и развернул записку.

помехи

– Итак, по результатам отбора, – звукорежиссёр запустил барабанную дробь, – более чем из трёх миллионов человек... программа случайным образом выбрала...

Зрители повытягивали шеи, как гуси, ждущие отрубей. Операторы спешно перевели камеры на ведущего, чтобы не лишиться премии за испорченную картинку.

– Программа выбрала... Дарью Ифтаховну Первову!

Зал захлестнули овации.

– Если вы нас смотрите, Дарья... Поздравляю! Позвоните нам прямо сейчас, на простой номер: восемь, восемь, восемь! Мы ждём!

нестабильное подключение

Кусок пиццы с наноломтиком салями сверху замер на полпути ко рту победительницы.

«Наверное, есть ещё какая-нибудь Дарья Первова», – пронеслась и замерла в её голове первая мысль.

На секунду показалось, что всё вокруг, включая онлайн-трансляцию, замерло в ожидании. Неподвижно, словно пирамида из камней в японском саду, застыла стопка грязных тарелок у ноутбука. Внезапно остановился маятник Ньютона, в последний раз громко стукнув одним металлическим шариком по другому. И даже пыль как будто перестала оседать на большой книжный шкаф, занимающий практически всю одинокую захламлённую комнатку.

Звонящую тишину нарушила наносалями, с противным мокрым звуком плюхнувшись прямо на футболку девушки. Она бы попала ещё и на штаны, но, благо, их не оказалось. Только огромная любимая и растянутая во все стороны домашняя футболка.

– Блин, теперь ещё и соус отстирывать, – возмутилась она, отбрасывая назад локоны длинных пшеничных волос.

На самом деле, это было сказано лишь для вида: всё шло наперекосяк сколько она себя помнила, а это уже ни много ни мало двадцать шесть лет. Вспомнив, зачем она всё-таки подавала заявку, девушка собралась, отыскала под завалами книг, журналов и одежды телефон. Набрала номер, подумав с минуту, нажала на вызов.

– Добрый день, программа «Жизнь с нуля». Слушаю.

– Э-э... Здравствуйте. Я Дарья Первова.

– О, наша победительница! Перевожу вас в прямой эфир.

– Постойте, нет... Проверьте, вдруг есть ещё...

Было уже поздно. Из телефона вновь заговорили, и девушка узнала голос ведущего.

– Поздравляю, Дарья! Домик уже готов к вашему приезду... А вы готовы?

– Готова, – ответила девушка с какой-то холодной решимостью.

– Замечательно! Сейчас переключу вас на оператора, и он сообщит план дальнейших действий.

С Дарьей заговорил бодрый мужчина. Она машинально записывала всё, что он говорит, на полях страницы из «Грозы» Островского. Когда мужчина попрощался, девушка бросила взгляд на верхнюю печатную строчку: «...я стою над пропастью, и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что». Девушка нахмурилась и закрыла книгу.

Пора было собираться. Наполнение маленького кожаного рюкзака с блестящей брошкой-бабочкой не вызвало никаких трудностей. Дарья сложила туда «Грозу» и снова неведомо как начавший работать маятник. «Да, и как я сразу не сообразила, что, если и есть ещё Дарья Первова, то Дарьи Ифтаховны точно нет?», – думала она. Имя её отца, не нарушавшего мировой традиции избегать воспитания собственных детей, было для неё загадкой.

серый шум

Вскоре сборы были закончены. Девушка положила сверху чистую пару носочков, бутылку воды в дорогу и заранее подготовленные четыре пачки «Первитина».

Ехать пришлось на такси. По радио начался дневной выпуск новостей, и сквозь помехи прорвался голос диктора: «Этого ответа с нетерпением ждали все... Он был получен в резуль-

тате ... лет непрерывных вычислений на специально созданном компьютере... Ответ на главный вопрос жизни и Вселенной – сорок два! ... несколько раз проверяли на точность, но он остался неизменным». Пока Даша пыталась собрать обрывки речи воедино, таксист выругался и переключил на «Радио Шансон». Там Михаил Круг задавался тем же вопросом, что и создатели суперкомпьютера, хотя вычисления его дали иной результат – к одиннадцати туз.

Глава 2.

Чаепитие с Безумным Шляпником

Архивная запись № 29072025

Сопровождавшие Дарью работник заповедника, помощник организатора розыгрыша и операторы оставили её внизу, у пригорка, откуда уже виднелся тот самый домик.

– Дальше вам необходимо отправиться одной, – сообщили ей, – когда вы ступите на порог, от вас до других людей будет километра два. А через пару часов вы станете полноправной хозяйкой всех четырёхсот восьми тысяч квадратных километров! Заберём вас на пороге через семь дней. Наслаждайтесь!

На всякий случай помощник ещё раз проверил девушку с головы до ног на предмет электроники, но его плоский длинный аппарат, похожий на палку для игры в лапту, ничего не обнаружил. На этом они распрощались и разошлись в разных направлениях.

Девушка стала карабкаться на гору. Лес вокруг был очень красивым, живым, не то, что городской бор. Так как это была закрытая природоохранная территория, людей туда не пускали, а потому никакого мусора тоже не было. В зелени у самой земли заманчиво краснела смородина и земляника, красовались толстой ножкой грибы, которые никто не срезал. Пахло хвоей, травами, влагой и свежестью. Тропинка наверх была еле заметной, и то только потому, что здесь ходили строители.

«В таком месте даже на секунду кажется, что жизнь – не такая уж мерзкая штука», – подумала Дарья. Получалось иронично. Она с такой лёгкостью приехала сюда, не раздумывая о рюкзаке, о жизни и о будущем, потому что не намеревалась уезжать. Впрочем, и становиться отшельницей тоже не планировала. Отправляя заявку на участие в розыгрыше, она мысленно бросала вызов судьбе. «Если я стану победителем, – думала она, – если великий и ужасный рандом выберет меня, то, значит, сама судьба дарит место, где мне никто не помешает».

Дарья посмотрела на свои руки – на обеих некрасивыми белыми полосами выделялись шрамы, обрамляющие запястья, как браслеты. «Ну и дура же я была в восьмом классе, – совершенно искренне засмеялась она, – Даже не разузнала, как это правильно делать».

Настроение у девушки было хорошим. Она шагала вверх, ступая по мягкой земле, приятно продавливающейся под ногами, и не думала ни о чём. Наконец, она подошла к светлым дверям. Над входом красовалась табличка с названием «Феникс» и самой мифической птицей с распростёртыми в стороны крыльями, вырезанной из дерева и прикрученной под крышей. Видимо, это было название домика. Что сказать – поэтично, хотя и нескромно. Даше понравилось.

Дверь поддавалась легко. Пространство внутри так приятно окружило Дарью, что она восхищённо вздохнула. Первое, что ей бросилось в глаза, так это то, что с дуба сверху, с тех веток, что были под потолком, свисали жёлуди. В детстве она любила делать из них поделки, грызть, снимать с них шершавые «шапочки». Но, когда повзрослела и начала узнавать о том, что стыдливо прятал взрослый мир, вообще перестала что-либо срывать. Всё вокруг стало казаться таким одушевлённым, что она просто не могла причинять деревьям и цветам боль. Пускай остальные думают, что это лишь растения, что у них нет мозга, нет нервной системы. Это форма жизни. И люди – форма жизни. Какая, в сущности, разница? Только в том, что мы никак не можем зафиксировать их боль с помощью своих аппаратов?

Девушка поставила рюкзак у входа и шумно выдохнула. Подъём выдался не из лёгких. Она решила, что завершающим акцентом её путешествия длинной в жизнь должно стать чудесное джакузи, бурлящее водой прямо под лестницей на крышу. Края его светились огоньками, которые в наступающем вечере становились по-настоящему волшебными на вид. Дарья разделась и села в воду. Температура идеальная! Если есть рай на свете, то он здесь.

серый шум

Где-то час она просто пролежала с закрытыми глазами, наслаждаясь замершим временем – по ощущениям, в её распоряжении была вечность. Часы на стене не висели, торопиться было некуда, а окончание вечности, заманчивой лишь с наличием власти её прекратить, было полностью в её руках.

Наконец, она наполовину высунулась из джакузи и мокрой рукой подтянула к себе рюкзак. «Грозу», несмотря на планы, перечитывать не хотелось, поэтому Дарья сразу перешла к следующему пункту плана и нащупала «Первитин». Приятное настроение сразу куда-то улетучилось. Четыре пачки. Когда она нашла своего друга мёртвым в своей квартире, врачи сказали, что он принял три. Тогда Дарья зачем-то машинально взяла эти таблетки из его аптечки, и только спустя пару лет поняла, зачем. Долго же до неё доходило. Правильно вещал оракул, сидящий в древних Дельфах – познай самого себя. Потому что дело это исключительно трудоёмкое. Себя мы знаем хуже, чем что-либо ещё. Потому что мы себе доверяем, а обмануть доверчивого – это же как конфетку у ребёнка отнять. Или «Первитин» у мёртвого.

Внезапно Дарья осознала, что бутылка с водой закончилась ещё на подъёме в гору. Чем теперь запивать? Водой из джакузи? Негигиенично как-то. И иронично, что негигиенично. На этой мысли девушке даже захотелось написать рэп на эту тему, так сказать, вместо предсмертной записки. Когда её найдут, текст наверняка станет популярным. Может, даже Оксимирон его исполнит. Хотя это, впрочем, уже неважно. Она положила в рот первую горсть больших серых таблеток с белыми вкраплениями.

Дарья зачерпнула воду ладошкой. В ней дрожал, отражаясь, дуб с желудями. Девушка смотрела на него, как зачарованная, не замечая, что вода просачивается каплями сквозь пальцы. Ей показалось, что есть какой-то особый смысл, особое значение в этом дубе. Как будто она видела его уже тысячу раз, и как будто в этом дереве и заключена вся загадка мироздания, не находя ответа которой, она, наконец, решила сдаться.

помехи

белый шум

Вода вся вытекла обратно в джакузи, и девушка зачерпнула её снова. Когда рябь улеглась, она заметила что-то странное: в воде отражался человеческий силуэт. Испугавшись, Дарья вздрогнула, вновь всё расплескав. Это что, препарат уже всасываться начал, что ли? Перед ней стоял молодой человек, примерно её возраста. Среднего роста, с русыми волосами и чёлкой, зачёсанной налево, с небольшой щетиной и яркими карими глазами.

– Выплюнь-ка ты это всё поскорее, Даша! – как-то по-доброму сказал он, обеспокоенно глядя на девушку.

Девушка послушалась. Она выронила уже размякший серый комок и схватила со стенки полотенце, чтобы им обернуться.

– Ты кто? Что ты здесь делаешь?

– Я рисовал... – удивлённо сказал парень, как будто не понимал, как это может быть неясно.

– Это же домик одиночества! Он для меня, тебя не может тут быть!

– Но я здесь.

Дарья подняла руки с растопыренными пальцами и скривила рот. Мощная штука, похоже, этот «Первитин».

– Нет, с тобой всё в порядке. Никаких галлюцинаций, к счастью. Я вовремя успел. Но, боюсь, что ещё минута, и я упущу этот чудесный закатный свет. Так что, извини, я пойду наверх. Поднимайся тоже, если захочешь.

Неизвестный парень удалился. Даша присела на край джакузи. Что это было вообще?

Воду она спустила, наблюдая, как крутится в воронке и исчезает серая каша. Нет, это определённо из-за таблеток. Просто небольшая доза попала в организм через слизистую рта, вот и всё. Надо посидеть немного, подняться наверх и убедиться, что она всё ещё одна.

Дарья оделась и села, прислонившись спиной к дубу. Сквозь панорамные окна было видно, как на небе уже зажигаются первые звёздочки. Смотря на них, девушка внезапно увидела контур Большой Медведицы – как на картинке в атласе. Созвездие ей удалось отыскать впервые – в городе, где она жила, на небе виднелась максимум пара звёзд, да и то только в ясные дни.

Прекрасно. Прекрасно видеть далёкий свет звёзд, которые уже давно могли погаснуть. Прекрасно прикасаться к чему-то неизменному, такому, что сохранилось нетронутым ещё с сотворения мира.

«Я не должна была этого видеть, – поняла вдруг Дарья, – Если бы у меня всё получилось, я бы уже ничего не видела». Ей стало страшно и противно от того, что она опять запуталась. Когда она шла сюда, когда садилась в джакузи, когда набирала в горсть таблетки – тогда вся жизнь виделась так ясно, так правильно и понятно. А теперь снова муки сомнений. Почему она послушалась эту чёртову галлюцинацию?

«Ну вот, даже глюки у меня неудачные, – вздохнула про себя Дарья, – подсунили мне какого-то небритого мужика вместо радужных единорогов. Хорошо, что я сейчас поднимусь и никого наверху не найду».

Центр крыши был занят дубовыми ветвями, поэтому девушка стала обходить их по кругу. Вот большой блестящий телескоп, который она видела ещё в передаче. Оставалось совсем немного неисследованного пространства: сердце забило чаще. Дарья осторожно отодвинула ветви.

На краю крыши, отвёрнутый от её взгляда, стоял мольберт. За ним девушка увидела незнакомца.

– О, ты уже пришла. А свет я всё-таки упустил. Но оно того стоило!

Значит, всё-таки галлюцинация. Дарья вдруг поняла, что осталась в этом домике одна со странным парнем, и прийти на помощь в случае чего никто не сможет. Она решила придать себе боевой вид.

– Вы кто такой? Как вы попали в мой дом? – сказала она максимально грозно.

Парень, кажется, снова удивился.

– Я попал сюда так же, как и ты. Через дверь. Вон ту, – он отложил палитру и кисть, и стал спускаться вниз.

Дарья решила наступать.

– Не смешно! Это домик одиночества. О-ди-но-чес-тва! Это эксперимент, и он очень дорого стоит. А вы бесцеремонно его нарушили! – говорила она, уже сходя с лестницы.

Незнакомец, вдруг передумавший показывать дверь, опять поднял брови.

– Но если бы я не вмешивался, эксперимент бы плохо закончился.

Тут Дарью осенило. С непрошеным гостем что-то не так. Допустим, её имя он мог узнать из телепередачи. Но вот догадаться о том, что таблетки эти – лошадиная доза наркотиков, а не обыкновенная аскорбинка, точно было нельзя. Дарья быстро оглядела круглый домик и заметила на кухонном столике нож. Резко схватила его и направила на незнакомца, прижав парня к полукруглой стенке. Он с интересом уставился на лезвие, ничуть не испугавшись.

– Это же... нож для сыра! Точно! – радостно сообщил он, – Но ты ошиблась, я вовсе не сыр. Смотри, я ещё недостаточно дырявый и плесени не видно.

Дарья ничего не смогла с собой поделаться и засмеялась, согнувшись пополам. Нож, естественно пришлось опустить. Разве можно было сказать что-то ещё более дурацкое? Похоже, никакой опасности этот тип не представляет. Обычный искатель приключений. Пробрался сюда как-то. Что ж, может, вдвоём будет веселее. В конце концов, планов теперь всё равно никаких.

– Как тебя хоть зовут-то? – решила Дарья задать вопрос попроще.

Однако и он как будто поставил незнакомца в тупик. Парень стал озираться по сторонам и невзначай заглянул в рюкзак, где лежали книги. «Грозу» не было видно, она уже была засунута под сборник Макса Фрая.

– Макс! – торжественно сообщил парень. Я Макс. С большой буквы – имя!

«Сумасшедший, – поняла девушка, – Хотя я и сама не сказать, чтобы совсем нормальная».

– Ладно, Макс так Макс. Надолго ты здесь?

– Не знаю. Как пойдёт, – совершенно искренне ответил тот.

Дарья вздохнула. Видимо, пора оставить тщетные попытки хоть что-то выяснить. Бесполезно. Макс, кажется, расстроился, услышав её вздох. На его лице отразилась пришедшая в голову мысль, и он направился к кухне. Проверив шкафы, выложил из жестяных баночек сушёные ягоды и чёрный чай. Поискав ещё, ничего подходящего не обнаружил и выскочил за дверь. Пропадал довольно долго, так что Дарья хотела даже закрыть дверь на замок, но потом сжалась: ночь уже, всё-таки, а вокруг ни души.

Вернулся Макс с какими-то мелкими цветочками в руке. И как он их углядел в такой непроглядной тьме? Нет, это решительно было невозможно.

Цветочки вместе с остальными ингредиентами отправились в чайник. Залив смесь горячей водой, Макс ещё колдовал над столиком какое-то время, а потом с гордостью налил в кружку что-то настолько ароматное, что, не протяни он её Даше, девушка бы попросила сама.

– Надеюсь, травка не веселящая? – поинтересовалась она.

– Я думал, тебя такие эффекты не пугают.

– Кстати об этом. Откуда ты узнал, что у меня там не аскорбинка? Следил за мной?

– Можно и так сказать.

– Значит, всё-таки маньяк.

– Маньяк, – повторил парень так, будто слышал это слово в первый раз.

– Значит, убить меня хочешь? Или ещё чего?

– Убить? О нет, Даша, совсем наоборот.

Девушка отпила чай. Сначала вдохнула аромат бергамота и каких-то шишек, затем ощутила сладость клубники, приятно разбавленной слегка кислыми нотками барбариса и лимонника. Такой напиток стоил любого экзотического десерта. Она узнала бы этот вкус всегда – такой чай заваривала бабушка, в те редкие моменты, когда Дарье удавалось к ней выбраться.

– А бабушка говорила, что это семейный рецепт. Выходит, не такой уж он и уникальный.

– Нет, не думай так. Бабушка говорила правду. Это я его... выходит, украл.

– Украл? Ты что, видел мою бабушку?

– Нет.

«Превосходно, – иронично подумала Дарья, – И удивительно. Удивительно, что я ещё пытаюсь найти истину в словах умалишённого, случайно намешавшего шишки с ягодами в нужной пропорции. Просто чаепитие с Безумным Шляпником».

– Так чем, по-твоему, ворон похож на письменный стол? – словно прочитав мысли, спросил парень.

Это было уже слишком. Чересчур много несуразиц за один вечер.

Дарья вспомнила какую-то передачу, в которой говорили, что умирающий мозг может транслировать в сознание совершенно фантастические вещи. Всякие там белые коридоры, свет в конце тоннеля и прочее. Может, она всё-таки выпила те таблетки, и теперь бьётся в агонии? В таком случае, как скоро это закончится?

– Пером, – сам себе ответил Макс, – Но так и быть, больше не буду тебя смущать. Пойдём наверх, посидим на крыше?

Они уселись на самый край. Девушка отметила, как здорово найти единомышленника, любящего, как и она, сидеть безо всяких стульев, кресел и прочих излишних приспособлений.

– А что, для этого обязательно что-то нужно? – спросил Макс.

– Конечно. Некоторые вообще терпеть не могут сидеть на чём-то, кроме мебели. Жутко раздражают! И, в общем, взаимно.

– Ну, это уж ты сама виновата, – улыбнулся он.

Даша опешила. С чего бы это? Но спрашивать благоразумно не стала.

– А почему ты взяла те таблетки? – Макс вдруг стал серьёзным.

– Потому что в моей жизни нет смысла. Зачем продолжать что-то бессмысленное? – не задумываясь, ответила Дарья, – Наверное, ты ожидал услышать о какой-то личной трагедии, депрессии или чём-то в таком духе... Но нет. Я отношусь ко всему без лишней серьёзности. Просто не люблю бессмыслицу. Пустые разговоры ни о чём. Работу, которая не приносит пользы людям. Жизнь без друзей и целей.

– Почему ты так уверена, что в твоей жизни не было смысла?

– Пф, это же очевидно, – фыркнула Дарья, – Работа, на которую я могла тут рассчитывать, сводилась к копированию бумажек для того, чтобы множить бумажки, которые снова придётся копировать. А после смерти единственного моего друга рядом не осталось никого, кто был бы мне дорог, и ради кого стоило бы жить.

– А чем бы ты хотела заниматься?

– Вообще-то по специальности я археолог. Мне всегда нравилось изучать древности, докапываться до сути – в обоих значениях. Казалось, что если я буду принимать участие в раскопках, то в конце концов пойму, есть ли смысл... во всём этом мире. Но на настоящие древние захоронения меня так и не послали. Всё, что оставалось – сидеть и копать в мусоре. А в нём смысл один: лучшее стремится умереть. Остальное – полиэтилен.

– Полиэтилен?

Дарья засмеялась.

– Ты как ребёнок! Знаешь, у тебя невероятно милое психическое заболевание.

– Я совершенно здоров. Как огурец.

– Как огурчик, – поправила Дарья, – Тогда понятно, почему тебе нож для сыра не понравился. Надо было брать фигурный, для нарезки овощей.

Макс улыбнулся. Слипающиеся веки напомнили девушке о том, что она всё ещё жива, и организм, слегка обезумевший от свежего воздуха, по праву требует отдыха.

– Кровать у нас одна. Приставать не будешь? – поинтересовалась Дарья у Макса.

– Что?

– Домик одиночества, забыл?

– А... Нет, мне не нужно спать, если ты об этом. Иди одна.

Дарья, как истинная женщина, до глубины души оскорбилась тем, что к ней даже не попытались приставать. Хотя, если бы попытались, обиделась бы не меньше. Но делать было нечего – она спустилась в комнату и улеглась на чистые простыни.

Глава 3. Стук в дверь

Кровать была повёрнута так, чтобы лежащий мог созерцать природные красоты через панорамное окно. Сейчас было видно только звёзды – в остальном же темень, хоть глаз выколи. Дарье стало как-то не по себе. Она заставила себя лежать в одном положении, игнорируя желание перевернуться на другой бок, но ничего не помогало. Заснуть она не могла.

Девушка достала из рюкзака маятник Ньютона, поставила его на матрас. Оттянула холодный металлический шарик, отпустила. Нехитрая система пришла в действие: крайние шарики затанцевали, по очереди взлетая вверх и возвращаясь обратно. Глядя на них, девушка уже начала погружаться в сон, как вдруг, после очередного металлического стука, маятник вдруг остановился. Не замедлился, постепенно сводя движение на нет – просто резко замер.

помехи

белый шум

Дарья открыла глаза. Ей стало страшно настолько, что по всему телу выступил холодный и липкий пот. Деревья за окном показались ночными монстрами, звёзды – немymi спутниками страха, от которых не стоит ждать сострадания. Она вылезла из-под одеяла и прижалась к дубовому стволу – так ощущалось, что она в безопасности хотя бы со спины.

«Что это со мной? – подумала девушка, – Чего я боюсь? Мне же не было страшно в темноте лет с шести...». Дарья и правда уже давно ничего не боялась. Нет, она вовсе не была храброй – скорее, безразличной. Возвращаясь домой с ночных прогулок, она рассуждала так: «Преступники? Да разве я кому-то нужна? Но даже если и так – ничего. Всё лучше, чем эта бессмыслица изо дня в день». Пожалуй, тревожилась она только по одному поводу: а что, если она захочет всё это прекратить, а в самый ответственный момент кто-то постучит в дверь и помешает? Собственно, один раз именно так и случилось, поэтому она боялась совершенно обоснованно, так сказать, по прецедентному праву.

Страх, поднявшийся из глубины по какой-то неведомой причине, охватывал всё сильнее. Девушка прижалась к дубу, обхватив его руками и прислонившись ухом к коре. Стояла такая мёртвая тишина, что Дарье показалось, будто она слышит движение древесных соков. Внутри что-то явно булькало, передвигалось и... шептало.

«Где мои руки... – разобрала она первую фразу, – Где моё тело? Где мой голос?».

Дарья отскочила к стенке, словно резиновый мячик. «Я как тот кот, которому сзади незаметно подсунули огурец, – пронеслось у неё в голове, – Нет, о боже, что я несу! Какой огурец, у меня тут дерево говорит! Или со страху померещилось?».

Размышления прервал стук в дверь. Тук. Тук-тук. Очень интеллигентный стук для монстра.

Домик одиночества, говорите? Ну-ну. Очень смешно. У меня столько гостей не было с начальной школы. А как только решила побыть одна, так на тебе.

Страх куда-то исчез. Так всегда бывает, когда сильно и долго боишься. Если монстры чересчур задерживаются, всегда начинаешь сомневаться в серьёзности их намерений.

Тук-тук.

Так может стучать только кто-то очень вежливый. Может, работник заповедника, зашёл поинтересоваться, как дела?

Дарья открыла дверь. Перед ней стоял мужчина лет тридцати-тридцати пяти, в дорогой, но изрядно потрёпанной бежевой кожаной куртке, в модных джинсах, рваных то ли ради стиля, то ли из-за какой-то передряги. На гладком, мужественно очерченном лице отчётливо виднелась свежая царапина, сочащаяся кровью. Большие раскосые голубые глаза, из-за коротких золотых кудрей смотревшиеся ещё прекраснее, молили о помощи.

– Простите, я заблудился... Не могу выйти из леса уже третий день... Помогите!

Дарья внезапно поняла, что слишком долго пристально рассматривала гостя – а ведь ему срочно нужно помочь!

– Конечно, заходите скорее, ложитесь на кровать! Я обработаю раны.

Заблудший красавец – иначе его просто нельзя было назвать – ввалился в дом на подгибающихся от усталости ногах и в изнеможении упал на кровать. Дарья долго копалась в аптечке, разыскивая перекись водорода и бинты, а когда повернулась, незнакомец уже лежал почти раздетый – в одних джинсах. Царапин на нём и правда было много. А стеснения, похоже, ни капельки. Но думать об этом сейчас было как-то неэтично – для начала всё-таки полагалось помочь.

Дарья начала дезинфицировать царапины. Гость стойко сносил боль от шипучего раствора, отвернувшись к окну. Дойдя до ран на животе, девушка заметила, что незнакомец явно завсегдатай какого-то тренажёрного зала – весь рельефный и жёсткий, как бабушкина доска для стирки.

Царапины оказались совершенно безобидными. Ничего серьёзного Дарья не нашла, но на всякий случай наложила пару повязок. Взглянув на гостя, решила налить ему чаю, ещё оставшегося, и сделать бутерброд из того, что найдётся в холодильнике. Там, как и показывали в телепередаче, было много готовых к употреблению деликатесов, поэтому у Дарьи, которая даже яйца варить не умела, получился очень даже неплохой сэндвич с овощами и несколькими видами мяса.

Она протянула гостю кружку и тарелку, тот, сморщившись, присел и с благодарностью принял угощение. Дарья удивилась, насколько тёплые и мягкие у него руки.

– Благодарю, ты меня спасла! – улыбнулся красавчик, откусывая бутерброд, – Меня зовут Бели.

– А я...

– Подожди, дай угадаю... В тебе есть что-то... М-м... Древне-персидское. Что-то доброе... И желание обладать... Ты Дарья, верно?

Девушка засмеялась.

– Ты тоже видел передачу со мной, да?

– Ага, – вновь обворожительно улыбнулся Бели, – Прости, что так вероломно нарушил твоё одиночество. Но я и правда заблудился. Был на пикнике, пошёл на поиски хвороста и потерял дорогу. Сам не знаю, как забрёл в заповедник.

– Особенно учитывая, что он обнесён забором.

– Вот именно! Может, это судьба, не находишь?

Бели говорил как-то слишком гладко для человека, три дня скитавшегося в глуши. Это настораживало, однако было очень сложно не доверять таким глазам при таких кудряшках. Дарья растаяла. Именно так она себе это и представляла: в самый неожиданный момент появляется кто-то, посланный судьбой, и вот они уже живут на тропическом острове душа в душу, едят кокосы и спят на горячем белом песке.

– Слушай, а ведь в передаче говорили, что на крыше есть телескоп. Пойдём, посмотрим?

– Подожди! – Дарья вспомнила про Макса, – Что-то мне пока не хочется.

– Да брось! Надо ловить ясное небо! А то появятся тучи – и всё, считай отдых насмарку.

Дарья увидела, как по небу проплыло одинокое серое облако, похожее на дубовый лист. Она могла поклясться, что секунду назад горизонт был кристально чист, словно документ с дипломной работой за месяц до защиты.

Не давая Дарье время придумать очередной аргумент, внезапно избавившийся от усталости гость устремился вверх по лестнице. Дарья побежала за ним – она почему-то не хотела, чтобы он нашёл там Макса.

Наверху никого не оказалось, даже мольберта не было. Неужели он ушёл? Но как? Спрыгнул, что ли?

Бели пристально осмотрелся, прищулив глаза. Он напоминал лиса, выслеживающего в траве маленькую мышку. Спустя минуту, он подошёл к телескопу и стал крутить какие-то детали, будто настраивая его. Однако голова его всё же оставалась чуть повёрнутой в сторону.

Дарья услышала странный шорох. Не подавая виду, осторожно посмотрела туда, откуда шёл звук, и увидела ножку мольберта среди дубовых ветвей. Вот он где! Но почему прячется?

Решив, что у сумасшедших свои причуды, и пугать их не стоит, Дарья всё же настойчиво позвала Бели обратно вниз. Тот не особенно сопротивлялся – казалось, покрутив телескоп, он потерял к нему интерес.

– И не заскучала ты ещё тут в одиночестве? – спросил Бели, глядя, как Дарья достаёт из рюкзака книгу.

– Пока мне всё нравится.

– А нет ли у тебя в рюкзаке чего-то поинтереснее?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, что-нибудь такое, что способно разогнать сон и развеселить... А вот, доставай-ка вот это, – он указал на неоткрытые упаковки «Первитина».

– Нет, это так... Не надо...

– Не бойся, я в этом разбираюсь! Смотри! – Бели выхватил одну из упаковок, достал пять таблеток и закинул себе в рот с улыбкой, как канapé с праздничного стола.

Дарья раскрыла рот от удивления. Лихо! Обычно берут по одной, максимум – две.

– Смотри, всё в порядке, – он покрутился на месте, расставив руки в стороны, – Теперь ты.

– Я не хочу...

– Это же просто невежливо, – лицо Бели выражало негодование, – Даже с моей стороны. Разве я могу не поделиться счастьем с ближним? Не обижай меня, давай.

Он взял её ладонь и положил туда горсть таблеток. Какие же у него всё-таки приятные руки! Наверняка от одной горстки ничего страшного не случится...

– Не вмешивайся, Белиал!

Макс стоял около лестницы. Вид у него был решительный.

Белиал на секунду смутился, потом ещё шире раскрыл свои бездонные глаза.

– Даша, кто это? Откуда он здесь?

– Я... я не знаю, он просто немного не в себе...

– Не верь ему, – вмешался Макс, – ни одному слову!

Бели вдруг схватился за бок и прислонился к спинке кровати.

– Ух... Царапина разошлась...

– Давай посмотрю? – подошла к нему встревоженная Даша.

– Нет, не подходи! – крикнул ей Макс, силой воли заставляющий себя остаться на месте и предоставить девушке свободу выбора.

– Успокойся, – нервно ответила ему девушка и обернулась к Бели, – Не обращай внимания, он просто псих.

– Я не псих! Он всё врёт, всё – обман! Попроси его только дотронуться до дерева и повторить свою историю!

Дарья внимательно посмотрела на Бели, всё ещё держащегося за левый бок. Кажется, царапины были только на правом... Но вдруг она ошиблась?

Бели смотрел совершенно невинным взглядом, но к дереву не подходил.

– Ты же, вроде бы, говорил, что видел передачу со мной, так? – спросила его Дарья.

– Конечно, Даша. Послушай...

– Тогда как же ты скитался по лесу трое суток? С телевизором в обнимку?

Лисья усмешка на лице Бели, которую Дарья видела на крыше, медленно превратилась в подобие волчьего оскала. Девушка отпрянула.

– Ты нарушил правила, – прошипел он, обращаясь к Макс, – Об этом узнают все.

– Если расскажешь, я упомяну и про тебя.

– Я хотел всё исправить!

– Это ты будешь на Ахоре объяснять.

– Ты знаешь, как всё кончилось. Спасая её так, сути не изменить!

– Это ошибка, Белиал, я уверен. Конец не мог быть таким...

– С чего ты взял? Она сделала выбор, выпила таблетки, всё! Если не это, то что тогда конец?

– Вот тебе конец!

Макс взялся правой рукой за дуб, а левой крепко уцепился в плечо вырывающегося гостя. Дерево вспыхнуло столбом яркого белого света, толщиной во весь ствол, и один из лучей прошёл сквозь Макса и охватил Белиала. Того схватили судороги, он как-то съёжился и упал на колени. Было похоже, будто их обоих бьёт током – а в таком случае надо взять какой-то предмет и оттолкнуть людей от источника питания. Даша знала это ещё с экзамена по ОБЖ. Она стала крутить головой в поисках чего-нибудь подлиннее и потолще, но Макс сдавленно крикнул: «Нет! Не вздумай!». Даша поверила. Сложно не поверить человеку под двумястами вольтами – или сколько там даёт этот желудёвый проводник?

Напряжение внезапно вырубилось, свет погас. Макс продолжал сидеть на коленях, тяжело дыша. Белиала нигде не было.

– Где он? – чуть слышно прошептала испуганная Дарья.

– В Исе, – так же тихо ответил Макс.

Глава 4. Сон в летнюю ночь

Макс сидел на коленях около дуба, обхватив себя руками и склонив голову почти до пола. Дарья заметила, что вся его одежда куда-то исчезла. Сгорела?.. Кажется, это произошло после той вспышки. Она нашла в рюкзаке шорты на резинке и растянутую чёрную футболку – благо, её одежда была такой, что трудно было сказать, для какого гендера эти предметы гардероба предназначалась. Девушка протянула их Макс. Тот послушно взял и оделся. Ему пришлось как раз по размеру.

Настроение у отвернувшейся к окну Дарьи было беспокойным: она готова была взорваться от негодования из-за того, что в её жизнь так бесцеремонно вмешались, была напугана и шокирована событиями, совершенно не вписывающимся в её концепцию реальности, а из глубин души поднималось необъяснимое тепло. Эти двое, какими бы странными не были, всё же очень интересовались ей, вроде бы, ничего не значащей Дашей. Просто Дашей.

Она вспомнила свою первую, единственную и исключительно неудачную любовь. Чувства, не угасшие до сих пор, настолько невзаимные, что являлись не бальзамом для души, а застывшей вчерашней манкой из холодильника, мерзко по этой самой душе размазанной. Дарья отдала им всю себя, но в итоге поняла, что любит не какого-то определённого человека, а просто любит. Парадоксально, необъяснимо, но совершенно искренне. Она выбрала для своих душевных порывов неудачное направление, тогда как они вовсе не хотели быть направлены на кого-то на этой грешной земле. Но было уже поздно.

Больше поиском спутника жизни она не занималась, потому как никакого пути не планировалось. А тут оказалось, что она не хозяйка собственной судьбы. А если уж с судьбой так, то как же быть с сердцем?..

Надо выяснить всё, чтобы избежать ошибок. Упав один раз, Дарья упорно пыталась не просто подстелить соломки, а застелить ею всё окружающее пространство, как в одиночной палате для душевнобольного.

– Как ты там говорил, – задумалась Дарья, – прикоснуться к дереву и повторить свою историю?

Макс кивнул.

– Значит, таким образом нельзя соврать? А если произнесёшь ложь, тебя шарахнет парой сотен вольт?

Макс снова кивнул.

– Давай-ка сюда свою ладошку и рассказывай мне всё, что знаешь.

– Подожди. Думаю, у нас мало времени...

– Вот и прекрасно, значит, не тормози и делай, что я говорю. Иначе ничего слушать не буду!

Макс положил руку на дубовый ствол, как-то чересчур осторожно, словно на музейный экспонат.

– Кто ты такой? – уверенно спросила Дарья.

– Я симуляция. Сознание реального человека, заключённое в точную, искусственно созданную копию собственного тела.

Даша опешила. Быстро разобраться в этом было невозможно; она записала эту фразу в воображаемом блокноте и продолжила допрос, чувствуя, что надо торопиться.

– Откуда?

– Из Иса.

– Ис, Ис... Это где-то в Азии?

– Это не здесь. Не на Земле.

– На другой планете? Или в параллельной Вселенной?

– На другой планете.

– Зачем ты здесь?

– Я хотел спасти тебя... Слушай, дай спокойно всё объяснить! Пожалуйста. Я не собираюсь обманывать! И я не сказал ни слова неправды за всё время, что я здесь.

Дарья недоверчиво посмотрела на его ладонь, прижавшуюся к коре, и согласно кивнула. Макс задумчиво посмотрел куда-то сквозь неё.

– На самом деле, даже не знаю, с чего начать... Наверное, я скоро исчезну, а ты проснёшься как обычно и подумаешь, что всё это было сном. Они наверняка выберут этот способ... Но ты не верь, что это было неправдой. Ищи какие-нибудь доказательства. Я уверен, ты справишься, только постарайся – они не будут на виду. И главное – ни в коем случае не умирай... намеренно. Хорошо?

– Я ничего не поняла!

– Я знаю. Просто пообещай!

– Да я уже и не собираюсь. С вами же невозможно...

– Вот и хорошо.

Дарья вышла на улицу перед домом. Уже рассветало, небо сияло янтарём, а от земли веяло прохладой и влагой. Кроссовки тут же насквозь промокли от росы, поблёскивающей случайно обронёнными бриллиантами.

Настроение из смутного сделалось паршивым, как перед экзаменом по математике. Информации, вроде бы, полная голова, только ничего не понятно. И как применить её – тоже неразрешимая загадка. Но что-то делать нужно, потому как времени, говорят, немного. Дарья всё думала, думала, пока солнце не запустило свои светящиеся щупальца между деревьев. Вскоре вместо слабых и нежизнеспособных идей в голове воцарилась пустота, говорящая о том, что больше размышлять нет сил. Девушка заметила неподалёку упавший клён и села на него. Вскоре к ней присоединился Макс.

– О, ты здесь. Не улетел ещё на свою Нибиру?

– На Центан. Нет, здесь время идёт медленнее, так что у меня есть ещё где-то полчаса в запасе.

– Значит, это твои последние минуты на Земле?

– Скорее всего.

– И как бы ты хотел их провести? Есть последнее желание?

Макс пожал плечами.

– Мне просто нравится смотреть на всё вокруг. Здесь всё такое разноцветное и цельное...

– У вас не так что ли?

Он молчал.

– Не, ты точно не с нашей планеты. У наших мужчин совершенно другие последние желания.

– Какие?

– Думаю, напиться, заполучить кучу самых красивых актрис в мире и заработать миллион... чтобы потратить его на выпивку и тех же самых женщин.

– Серьёзно? Я думал, ты более... как бы это сказать... развитая.

– Причём тут я? Это же всё они...

– Забавно, что ты проводишь такую чёткую грань.

– Это не грань, это – охранный забор! Он защищает от всяких типов с низкой социальной ответственностью.

– И как ты только на это согласилась... – задумчиво спросил Макс, обращаясь не к Даше, а куда-то в пустоту.

Пустота не отвечала. Даше тоже не хотелось говорить. Она ощущала себя потерянной, а в такие моменты ей всегда хотелось, чтобы кто-то пришёл и уверенно сказал, что делать.

Или хотя бы просто пришёл и позволил спрятаться за своей широкой спиной от всех проблем этого мира. Но рядом был только Макс, а он на вождя или защитника был не очень похож. Поэтому прятаться Даша не пока стала, а решила для начала потрогать его широкую спину указательным пальчиком на предмет проблемонепробиваемости. Или хотя бы реальности.

Тык.

Вполне себе реальная спина. Кожаная.

Макс, по всей видимости, сообразил, что она делает – а может, опять угадал мысли – и тоже дотронулся до неё, сжав руку девушки своей ладонью. Неужели его мучает тот же вопрос реальности происходящего?

– I got you to hold me tight, – вдруг по-английски и как-то нараспев заговорил Макс, – I got you, I won't let go. I got you to love me so...

Дарья уже хотела спросить, что происходит, но не заметила, как моргнула. Только что перед ней был лес, и Макс, и рассвет, а теперь только потолок с изображением вселенной, едва прикрытый дубовыми ветвями.

Архивная запись № 30072025

«I got you babe, I got you babe...» – настойчиво повторял будильник слова песни из любимого Дашиного фильма. «Забыла отключить, – пронеслась в голове мысль, – Подождите-ка...».

Девушка осмотрелась. Она лежала в джакузи. Рядом валялась полупустая упаковка «Первитина». Всё говорило о том, что она выпила таблетки, посмотрела кино, подкинутое подстёгнутым сознанием и заснула. Кажется, Макс просил её не верить в это... Но всё произошедшее казалось теперь таким же тусклым, как и любое сновидение, прерванное внезапным пробуждением. Дарья посмотрела на свои руки, которые будто только что прикасались к вполне реальному Макс – пальцы были все сморщенные. Это окончательно убедило девушку, что она просто заснула и пролежала в воде несколько часов к ряду. Физиологию не подделаешь – Даша была в этом уверена.

Просто ради интереса она поднялась на крышу – нет, никакого мольберта, ни одной сломанной веточки, телескоп никто не крутил и не переставлял. Чисто. Идеально чисто.

Дарья была совершенно одна.

Глава 5. Пробуждение

Одна. Наконец-то! Теперь можно почувствовать себя хозяйкой леса и всей этой грешной земли. Отпустить на волю свои сумасбродные желания. Дарья ещё не знала, что придёт ей в голову, но была уверена: она сделает всё, что захочется. Ведь когда, если не сейчас?

Она вышла на улицу с острым желанием сотворить хоть что-нибудь. Закрыла глаза, прислушиваясь к собственным желаниям. Внутренний мир, как назло, упорно молчал, зато в тишине девушка услышала тихий звон журчащего ручья. Она открыла глаза и пошла на звук. Травы шуршали под ногами, от каждого прикосновения издавая густой и яркий аромат. Часть из них была острой или колючей, но Дарью это не смущало: она ощущала себя частью природы, и её единственной целью был ручей. А, как известно, отсутствие мелких отвлекающих задач только упрощает выполнение главной.

Собственно, этот простой факт определил, почему в нынешнее время человечество не может создать ничего такого, что могло бы сравниться, например, с достижениями древних греков. Рабов теперь нет, а значит, вместо организации новых Олимпийских игр или создания «Иллиады» XXI века мы идём стирать носки, мыть посуду и менять наполнитель в кошачьем лотке. А после этого, естественно, не остаётся ни концентрации, ни вдохновения.

Но сейчас Дарье было не до условностей времени. Раз выпал шанс окунуться в первобытное состояние и освободиться от всего лишнего, она собиралась сделать это на полную катушку. А дальше – будь что будет.

Несясь вперёд с пустой, продуваемой ветром насквозь головой, девушка даже не заметила, как наступила в этот самый ручей. Точнее сказать, это был небольшой горный ключ, фонтаном бьющий откуда-то из-под камня. Камень оказался скользким от постоянной сырости и притормозил бег Дарьи так внезапно, что она рухнула лицом в мокрую землю.

Однако если воодушевление охватило, так просто от него не избавиться. Дарья лёжа отхлебнула родниковой воды, которая оказалась ледяной и немного солёной, и двумя пальцами размазала грязь по щекам на манер коренных народов Америки.

«Индеец Слепой Глаз по прозвищу Не Смотрящий Под Ноги вышел на охоту, – произнесла она хрипло, постукивая по стоящему рядом дереву как по барабану, – ни один лютый зверь не скроется от его корявых рук, ни одна добыча не выскользнет из кривых пальцев! Ибо неуклюжесть его столь же сильна, как чутьё и удача, и пока остальные смотрят под ноги, он устремляет взор на притаившегося в прериях бизона».

Словно в подтверждение этих довольно самоуверенных, хотя и ироничных слов, к ручью подобралась ничего не подозревающая серая мышь. Она упёрлась лапками в землю, вытянула мордочку и стала пить. Заигравшаяся Дарья замерла, напрягая руки для резкого броска. Осторожно наклонив корпус настолько близко, насколько было возможно, девушка протянула руку и зажала в ней несчастного грызуна.

Мышь так оцепенела от страха, что даже не вырывалась, только часто-часто дышала и упиралась маленькими когтистыми лапками в Дашины пальцы. Розовый носик ходил ходуном, длинные белые усы чуть подрагивали, а чёрные круглые глазки – на вид очень умные – не мигая уставились на девушку.

Дарья почувствовала тепло, исходящее от крохотного пушистого тельца, и пришла в себя. Неистовое желание натворить всякого мигом куда-то улетучилось.

«Дичаю, – пронеслось у неё в голове, – Как-то быстро. А ведь мне здесь ещё долго одной коковать».

Слепой Глаз вспомнила о цивилизации и запустила свободную руку в карман джинсов. Там, как у любого человека с наплевательским мироощущением, обнаружились семечки. Дарья протянула их мышке. Та с интересом принялась, но, видимо, почувствовав какой-то подвох,

цапнула девушку острыми передними зубками так, что та разжала сразу обе руки. Мышка тут же скрылась в траве, не став рисковать и подбирать рассыпавшееся лакомство.

– Ну и дурная, – подумала Даша и тоже решила улизнуть куда-нибудь, подальше от ручья, ставшего напоминанием о собственной дикости и глупости.

Неподалёку от источника обнаружился исключительной красоты прудик. Вода в нём была абсолютно гладкой, подёрнутой сетью трав, но при этом прозрачной. Деревья вокруг купали в ней свои ветви, склоняясь над водой словно девушки, любующиеся отражением в зеркале. Посидев немного на тенистом берегу, ни о чём не думая, Дарья решила, что искупаться здесь – вполне цивилизованное желание.

Она разделась и вошла в воду, оказавшуюся на удивление тёплой. Тут же что-то задело её ногу, затем снова и снова. Вглядевшись в успокоившуюся после ряби поверхность пруда, девушка заметила маленьких блестящих рыбок: они кружили около её лодыжек, иногда легко прикасаясь к ним, словно кот, который хочет, чтобы на него обратили внимание.

«Вы как будто любите меня, ребята», – сказала она вслух.

На душе снова почувствовалась засохшая холодная манка. Иными словами, опять стало паршиво. Чтобы не проникаться этим ощущением, Дарья проплыла несколько кругов, приводя сеточку из трав в состояние абсолютного хаоса и портя картину, достойную кисти Моне. Его «Пруд с кувшинками», надолго заморозивший однажды девушку, сейчас всё же уступал реальности. На полотне был мостик, здесь же он отсутствовал, и это было просто прекрасно. Никаких мостиков – никаких людей.

Дарья доплыла до берёзы, ствол которой почти лежал на поверхности воды. Она забралась на него, словно русалка с иллюстраций сказок Пушкина, и стала смотреть на недвижимую водную гладь.

«Не уйду отсюда, пока не стану засыпать», – мечтательно подумала она, восхищаясь статичной красотой природы и ощущая приятную прохладу от капель воды на коже. Однако у природы были иные взгляды на ближайшее будущее девушки. Они стали очевидны, когда первая капля, упавшая с неба, громко плюхнулась на берёзовый лист над её головой. Вскоре пруд весь задрожал от мелких, сталкивающихся друг с другом кругов. Гулко и раскатисто прогремел гром.

Дарья засмеялась.

«Думаете, переиграли меня? Как бы не так! Грозы я люблю даже больше, чем такие вот прудики».

Она слезла с берёзы и направилась к домику, всё ускоряя шаг. Дождь усиливался ещё быстрее, и вот Дарья уже бежала, смеясь, расставив руки в стороны и задевая ими молодые деревья, сыпавшие на неё ещё больше прохладных капель. Когда она добежала до домика, почти незаметного во тьме туч без включенного света, гром прогремел совсем близко и очень громко.

Дарья, всё ещё улыбаясь, повернулась на звук и вскинула руку к небу, словно совершая магический жест.

«Да будет свет!» – прокричала она сквозь дождь, и та часть неба, на которую она указывала, осветилась вспышкой молнии, ослепительной и ветвистой.

помехи

Вдоволь насладившись зрелищем своего выдуманного могущества, Дарья, наконец, вошла в дом. Свет она включать не стала, потому что хотела полностью расслабиться под шум стихии.

Дарья удобно расположилась в корнях дуба. Проводя по ним руками, она нащупала что-то странное, и поднесла к лицу, чтобы рассмотреть. Душица... Бабушка всегда добавляла её в чай. Я помню его аромат, будто пила этот вкуснейший на свете напиток ещё вчера. Жаль, что это не так. Дарья положила цветок обратно в корни и обратила спокойный взгляд за окно.

Однако умиротворение продолжалось недолго. Ветер всё усиливался, тугие потоки так неистово стремились на землю, что скоро нижняя часть панорамного окна стала больше походить на стенки аквариума. Воды было много, и она грозила найти лазейку в стенах Дашиного домика. Это девушке уже совсем не понравилось. Она щёлкнула выключателем – он, как назло не сработал.

«Какой-то всемирный потоп... Как бы не пришлось после этого дождя на крыше спать», – подумала она.

Внезапно, взглянув сквозь стекло на проплывающее мимо пёрышко, Дарья вспомнила о мышке, чудом спасшейся из её рук чуть больше часа назад. Наверняка её норку уже затопило, а сама она погибла в пучине. И стоило ли ей так пугаться и убегать, если жить оставалось жалкие десятки минут? Какая глупость. Бессмыслица...

помехи

Вновь сверкнула молния, прогремел раскат грома, а за ним послышался какой-то страшный хруст. Дарья подняла взгляд на дуб и раскрыла глаза от испуга: от самых верхних ветвей и до корней кора зашевелилась, треснула, изнутри повалил дым, а после этого внешний слой дерева стал рассыпаться в щепки маленькими, но мощными взрывами. В образовавшиеся в потолке и окнах трещины хлынули потоки холодной воды, уже смешавшиеся с землёй и травой. Дарья закрыла лицо локтем, прячась от разлетающихся опилок, как вдруг всё прекратилось.

помехи

белый шум

Конец архивной записи

Не было больше шума дождя, грома и молний. Не чувствовалось колких прикосновений деревянных щепок. Запах дыма и сырости сменился на едва уловимый аромат лаванды и... пыль системного блока? Во всяком случае, Даша идентифицировала этот аромат именно так. Она столько часов провела за компьютером, что запах техники не перепутала бы ни с чем. Лучше любого парфюмера смогла бы с завязанными глазами отличить видеокарту от материнской платы или жёсткого диска.

Но пыль? Откуда мог взяться запах пыли в помещении, где только что была проведена, скажем так, влажная уборка?

Внезапно Дарья поняла, что не лежит на полу, а полусидя расположилась в каком-то кресле. Судя по ощущениям, кожаном. Она попыталась открыть глаза, но ничего не вышло. Как она ни напрягала свои веки, тьма всё так же оставалась тьмой. Наконец, до девушки дошло, что на её глаза что-то надето. Что-то вроде маски для сна или очков виртуальной реальности.

Дарья попробовала пошевелить пальцами рук – с ними, кажется, всё в порядке. Значит, можно дотянуться до лица и...

– Лахесис. Лахесис! – услышала она незнакомый женский голос, мягкий и тонкий.

– Да? – этот был уже каким-то строгим, хотя довольно приятным.

– Она приходит в сознание, смотри!

– Этого не может быть. Опять какой-то сбой. Эти двое испортили нам все показатели...

– Приборы не лгут. Я сама видела, как она шевелила пальцами.

– Дай посмотреть...

Дарья замерла, не зная, стоит ли себя выдавать. Похоже, она оказалась в какой-то больнице, и хорошо, если её не продали на органы, как в какой-то старой телепередаче. В любом случае, стоит оценить обстановку, прежде чем вступать в чужой разговор. Даже если говорят о тебе.

Девушка почувствовала, как в глаза ударил свет, настолько яркий, что несколько минут она всерьёз была уверена, что её ослепили.

– С пробуждением, Хава.

Чёрт возьми, что? Что происходит? За кого меня принимают?

Дарья пребывала в полнейшем шоке. Не столько от того, что к ней обращались каким-то другим именем, сколько от того, что до сих пор не видела ничего, кроме слепящей белизны. Что она должна ответить? И стоит ли вообще отвечать?

– Она ещё не привыкла к свету, – этот голос тоже был женским, но принадлежал явно кому-то третьему. Он был чуть хриплым, тихим и каким-то холодным. Если бы Дарья выбирала актёра для озвучивания персонажа с именем Смерть, она взяла бы эту даму, не раздумывая ни секунды. Но, как оказалось, имя было иным.

– Что делать, Айса? – спросили первые двое, – Мы инструкции к этому событию читали последний раз, наверное, оборотов сто назад. Честно говоря, даже не ждали...

Айса не отвечала, но Дарья услышала какое-то шевеление, будто придворные дамы на балу столкнулись пышными юбками. Вскоре девушка почувствовала, что к ней кто-то подошёл, а ещё через секунду ощутила очень неприятное жжение в районе глаз, которое вскоре переросло в такую боль, словно кто-то приложил к её векам горящие угли.

Дарья попыталась закричать, но ничего не вышло: голос застрял где-то внутри, словно был сундуком с затонувшего корабля на дне моря: весь оплетённый за долгие годы водорослями, поросший ракушками, он никак не хотел подниматься.

Боль закончилась так же неожиданно, как началась. Дарья стала различать какие-то пятна среди белого света. Вскоре они сложились в три женских силуэта, склонившихся над ней.

Глава 6. Ахор

Дарья увидела перед собой трёх женщин. Та, что казалась самой молодой, выглядела лет на восемнадцать. Она была невысокого роста, в цветастом платье, с длинными и кудрявыми светлыми волосами. Фигура её напоминала античные статуи, а глаза лучились васильковым цветом. Рядом с ней стояла женщина, которую Даша сразу же мысленно окрестила «фриком». Несмотря на солидный, приближающийся к тридцати возраст, она выглядела, как современный подросток: правая часть волос была белой, как снег, левая – окрашена в иссиня-чёрный. В одежде поддерживался тот же контраст: вылитая старшеклассница, вступившая в переходный период. Третья же, хотя и выглядела лет на пятьдесят, была самой притягательной. Она очаровывала своими великолепными идеально гладкими тёмно-шоколадными волосами, загадочной, как у Моны Лизы, улыбкой, глубоким взглядом. Но те же черты и отталкивали от неё: глаза казались чересчур холодными, а губы словно таили какую-то недобрую усмешку.

– Сомкнись, Хава! – хором сказали все трое. Блондинка в платье дружелюбно улыбнулась.

– Что? – только и смогла выдавить из себя ничего не соображающая Дарья.

– Оставим её в покое, чтобы она могла всё вспомнить, – сказала средняя остальным, те кивнули и молча удалились.

Дарья привстала, чтобы осмотреться.

Помещение оказалось достаточно аскетичным, но больничную палату всё же совсем не напоминало. На полу блестела квадратная плитка цвета слоновой кости, стены были тоже окрашены белым. Кроме кресла, на котором лежала Дарья, в комнате больше ничего не было – если не считать, конечно, огромной, около метра в диаметре, прозрачной трубы, внутри которой проходили золотые потоки некоего светящегося вещества, тонкие, словно в плазменной лампе. Девушка заворуженно смотрела на всё это, и, в конце концов, захотела дотронуться. Встав, она поняла, что любимая футболка исчезла без следа, а вместо неё было надето простое белое платье с красивым широким поясом. Безымянный палец левой руки охватывало плоское матовое кольцо.

«Ничего себе тут у них халатики, – подумала Дарья, – похоже, частная клиника. В государственной мне бы дали только рваную проштампованную сорочку размера этак шестидесятого».

Впрочем, платье сидело по фигуре и движения не сковывало, так что Дарья о потере привычной одежды не страдала. Она подошла к трубе и положила на неё ладонь. Несколько ближайших тоненьких потоков устремились к её пальцам. Девушка водила рукой в разные стороны, с улыбкой наблюдая, как потоки двигаются за ней. В это время в комнату вошли.

– Сомкнись, Хава, – уверенным голосом сказала женщина с короткой стрижкой, как у Твигги, и в похожем платье с поясом, только чёрного цвета.

– Простите, что? – переспросила Хава.

– Ты до сих пор ничего не вспомнила? Тогда, пожалуй, я избавлю тебя от возможных недоразумений и представлюсь, хотя и считаю это излишним. Я Адона, Верховный правитель города Ис. Необходимо отвечать на моё приветствие, чего ты не сделала, и, если бы это кто-то увидел, ты бы уже была арестована за тяжкое душевное оскорбление. Ты Хава, всем известный доброволец симуляционного эксперимента. Он продолжался больше тысячи оборотов, поэтому не удивительно, что ты ещё не до конца осознала произошедшее.

– Подождите, – вмешалась Дарья, – только не говорите, что мы в психбольнице! Я не хотела ту мышь ловить, честное слово! Я нормальная!

Собеседница слушала спокойно.

– Похоже ситуация несколько сложнее, чем мне описали... – сказала она самой себе, – Что ж, так или иначе, но тебе придётся немедленно отправиться в Ахор. Нужно дать показания по одному делу, непосредственно касающемуся тебя. Каро тебя проводит.

Женщина в чёрном удалилась, и к Дарье, стоящей с удивлённо поднятыми бровями, вышел молодой человек в светлой одежде, напоминающей то ли халат хирурга, то ли монашескую рясу. Она была белого цвета – кроме платья той милой блондинки Дарья не видела здесь больше ничего, что было бы не чёрным и не белым.

– Сомкнитесь, Хава! – уважительно поприветствовал её Каро.

– Да что вы все заладили «сомкнись» да «сомкнись»! – возмутилась Дарья, никогда не отличавшаяся завидным терпением, – Что тут вообще происходит? И куда ты должен меня отвести?

– Прошу, не переживайте ни о чём! Вы только очнулись, и это нормально, что происходящее несколько шокирует. Скоро вы и сами всё вспомните, но лучше я вам помогу. «Сомкнись» – это наше приветствие, в ответ на него необходимо складывать руки вот так, палец к пальцу, и немного опускать голову, – Каро показал особый жест, – Веду я вас на Ахор, потому что, раз вы пришли в себя, по закону должны дать показания. Выход из симуляционного эксперимента, увы, не считается освобождающим основанием – прецедентов ещё не было.

Юноша улыбнулся. Дарья попробовала ответить тем же, но не смогла – после объяснений, которые ничем особо не помогли, стало ещё тревожнее. Суд? Кого будут судить? Какие она даст показания, если даже не понимает, что творится вокруг? И что, если подсудимая – она сама?

– Каро, – вновь обратилась она, пока юноша вёл её по белоснежным коридорам, – А кого будут судить на этом вашем Ахоре?

– Увы, я не могу сказать, – он сделал печальное выражение лица, – Это запрещено.

Дарья вздохнула. Она терпеть не могла такое педантичное отношение к жизни. Правила даны, чтобы их нарушать, и точка. Но не все разделяли это убеждение, тут уж ничего не поделаешь.

Вскоре коридор закончился массивной белой дверью с золотыми вензелями по краям. Это был единственный встреченный по пути элемент роскоши. Каро распахнул перед Дарьей дверь, и взору девушки открылся огромный зал, похожий на университетскую аудиторию. Внизу стояли столы, за которыми сидели люди в чёрных одеждах, среди которых, прямо в центре, была и Адона. Лицом к ним за кафедрами стояли двое мужчин, затем ступенями вверх поднимались полукруглые ряды стульев. Их было очень много: Дарья могла поклясться, что самый большой театр не рассчитан на столько зрителей. Почти все места были заняты. Во всю противоположную стену было вставлено панорамное окно, сквозь которое попадал солнечный свет.

«Скоро закат», – только и успела подумать Дарья.

Каро закрыл дверь. Все взгляды устремились к девушке. Мужчина преклонных лет, с длинными седыми волосами, заплетёнными в тонкую косу, провозгласил:

– Вошёл свидетель Хава, младший практик Vis Viva, почётный член Общества волонтеров кольцевого Центана. Пожалуйста, займите своё место за кафедрой.

«Это я, что ли?» – сообразила Дарья, замечая, что третья кафедра перед людьми в чёрном действительно пустует. Она отправилась туда, спускаясь на ватных ногах и сжимая в кулаки холодные влажные руки. Даже на защите диплома не было столько народа и столько напряжения.

Дарья встала за кафедру. Краем взгляда она посмотрела на стоящих по бокам мужчин. Слева оказался Бели, а справа – Макс. У девушки немного отлегло от сердца: хоть кто-то знакомый в этом сумасшедшем доме! Так, значит, это был не сон?..

Адона поднялась с места, вместе с ней встал и весь зал.

– Сомкнитесь, центанцы! – громко сказала она, и все вокруг, включая уже слегка освоившуюся Дарью, сложили руки и склонили головы, – Ахор о нарушении закона о невмешательстве объявляется открытым. Обвиняемые: главный практик Vis Viva, советник по вопросам бесконечности и бессмертия, Белиал и уборщик № 42, без имени.

«Вот оно что, – поняла Дарья, – Поэтому он и взял себе первое увиденное на книжке имя».

Затем поднялся пожилой мужчина с косичкой, который зачитал подробности дела. По его описанию выходило, что и Белиал, и Макс незаконно вмешались в «симуляционный эксперимент» и пытались повлиять на его исход. Почему-то конец Дарьиной жизни, по словам выступающего, был чуть ли не главным событием всего мирового сообщества, а потому и наказание, судя по всему, предполагалось суровое.

Первым делом судьи решили заслушать более важную персону.

– Vestra Viva, я отклоняю все обвинения в мою сторону, – уверенно заявил Бели, – Придя в лабораторию, я обнаружил проникновение уборщика № 42 в симуляционный эксперимент. Так как он не является практиком, я счёл необходимым вмешаться, чтобы устранить возможные последствия такого необдуманного поступка. Именно этим я и занимался, когда № 42 использовал мощности ДУБа, чтобы мне помешать. Программа вернула меня в Центан, и я отправился немедленно сообщить Верховному правителю об этом вопиющем происшествии.

– Каким образом вы пытались, как вы говорите, «устранить возможные последствия»? – уточнил мужчина с косичкой.

– Сначала я хотел отыскать № 42 и немедленно его вернуть. Однако он трусливо спрятался. Я обнаружил, что он помешал последнему воплощению Хавы совершить свободный выбор, о котором мы с вами знали уже давно. Всё шло к тому, что она – да, как это не прискорбно для нас, проделавших такую большую экспериментальную работу, – совершит самоубийство. Но он вмешался и поставил под сомнение чистоту эксперимента... Поэтому я вернул воплощение Хавы к той точке, на которой её прервали.

– Что это была за точка?

– Vestra Viva, я полагаю, вы уже просмотрели записи, сохранённые в архивах ДУБа. Я пытался дать ей вещество, которое она и сама совершенно осознанно собиралась принять.

– Какое вещество? То, которое должно было её убить?

– О, Vestra Viva, у меня и в мыслях не было! Я не задумывался о его эффекте, потому что я – и никто из нас – не имеет права вмешиваться в симуляционный эксперимент. Я лишь установил вещество и пытался дать его Хаве, чтобы исправить вероломство моего дискредитировавшего себя коллеги...

– Как вы верно заметили ранее, Белиал, № 42 не является практиком, а потому Ахору необходимо понять: как же простой уборщик сумел самостоятельно проникнуть внутрь симуляционного эксперимента, да ещё и воспользоваться возможностями ДУБа?

Бели уже раскрыл рот, чтобы выдать очередную обвинительную тираду, но одна из сидящих в ряду судей женщина раскопала из груды бумаг небольшую папку и передала её мужчине с косичкой. Тот, нахмурившись, стал изучать содержимое.

– Ахор принимает во внимание документ, в котором сказано, что в период с 998 по 1004 большой оборот эпохи Адоны № 42 выполнял обязанности младшего практика Vis Viva и имел доступ к симуляционному эксперименту. Однако он был от него отстранён, а также понижен в должности... за вмешательство.

Судья оглядел зал. Все сидели, затаив дыхание, и недобро поглядывали на Макса. Тот стоял, ничего не замечая, опустив голову и погружившись в свои мысли. Руки его были спрятаны под белой робой, точь в точь такой же, как у Кери.

– Уборщик № 42, у Ахора нет сомнений, что вы вмешались в эксперимент умышленно. Однако мы требуем, чтобы вы объяснили нам свои мотивы.

- Хава не должна была умереть, – спокойно, не поднимая головы, сказал Макс.
- Почему вы так считаете? Мы ведь все видели, что сценарий её последнего воплощения должен закончиться именно так.
- Это ошибка.
- Ошибка в ДУБе? – тут по залу прокатился смешок.
- Я не могу сказать. Но то, что кто-то намеренно искажал сценарий, это правда, поверьте мне, *Vestra Viva*.
- Это очень серьёзное обвинение, № 42. У вас есть доказательства?
- Макс вздохнул.
- Нет.
- Заслушаем показания свидетеля, – продолжил судья, – расскажите нам, Хава, как всё было... в вашем сне?
- Я действительно пыталась покончить с собой, – дрожащим голосом затараторила Дарья, спрятав за кафедру трясущиеся руки, – Хотела выпить одни таблетки. Но потом увидела его...
- Прошу называть имена! – строго приказал мужчина с косичкой.
- № 42. Он сказал мне выплюнуть таблетки, и я послушалась.
- Что было потом?
- Мы пили чай. Сидели на крыше. Потом я отправилась спать, но... в дом вошёл Белиал. Он притворился потерявшимся туристом и настаивал на том, чтобы я всё-таки выпила таблетки. Однако тут снова появился Макс...
- Какой Макс?
- Ой, простите. Вы называете его № 42...
- Он взял себе имя?
- Ну да, – удивилась Дарья возмущённому тону судьи, – Он появился и спас меня, во второй раз. А потом заставил Бели исчезнуть.
- Хава, уточните, пытался ли № 42 вам каким-то образом намекнуть на то, что вы находитесь внутри симуляционного эксперимента?
- Дарья замялась. Кажется, это тоже было противозаконно. Значит, если она скажет правду, то навредит Макс. Но что, если он действительно преследовал какой-то злой умысел, вмешиваясь во всё это? Что, если Белиал прав?..
- Нет, *Vestra Viva*, – громко сказала девушка, сама удивляясь внезапно проснувшемуся таланту ко вранью.
- Судьи начали перешёптываться. Спор был оживлённый, но продолжался лишь несколько минут – женщина с причёской Твигги была непреклонна.
- Суд вынес решение, – провозгласила вдруг поднявшаяся Адона, – Обоих признать виновными во вмешательстве в симуляционный эксперимент. Белиалу, учитывая смягчающие обстоятельства в виде заботы о последствиях и чистоте эксперимента, назначить наказание в виде прекращения доступа к материалам, связанным с системой ДУБ на двенадцать оборотов. Уборщику № 42 постановляю в обязательном порядке в течение тридцати оборотов покинуть зону кольца.
- Зал охнул и затих, словно на их глазах упала замертво всеми любимая поп-звезда.
- Объявляю заседание Ахора закрытым.
- Белиал ушёл первым, скрывшись в толпе, повалившей к двери. Дарья подбежала Макс.
- Что случилось?
- Не здесь, – он огляделся и направился к выходу, делая вид, что не разговаривает с ней.
- Ответь мне только на один вопрос, – тихо сказала Дарья, смотря в другую сторону от Макса, – этот мой мир, Земля, леса, океаны, – это всё ненастоящее? Симуляция?
- Мир вполне настоящий, – как-то печально усмехнулся он, – Это люди в нём – симуляция.

Глава 7. Венец творения

Макс затерялся в толпе. Дарья не стала его искать, как бы ей этого не хотелось – она чувствовала, что сейчас для этого не время и не место. Зато саму её каким-то образом отыскал Каро. Он проводил её обратно в комнату – там девушку уже ждала блондинка в цветастом платье, которую она увидела сразу после пробуждения.

– Сомкнитесь! – поприветствовала её Дарья, которую всё ещё слегка передёргивало от этого слова, – Простите, как ваше имя?

– Клото, – улыбнулась блондинка, – садись, Хава. Нужно сделать кое-какие процедуры. Дарья послушно села. Наверное, придётся смириться с новым именем.

Клото сделала девушке какой-то укол, от которого Дарья на пару секунд почувствовала себя практически невесомой.

– Для чего это? – решила осведомиться она на всякий случай.

– Это обезболивающее. Пока вы были в симуляции, мы пропустили его введение.

– Но у меня ничего не болит.

– И не будет, – Клото улыбнулась так добренько, как улыбаются детям и психически больным, – Мы ставим это лекарство всем центанцам раз в год. Оно позволяет избавиться от любой боли на этот срок.

– Что, совсем? А я если я ногу сломаю, то тоже ничего не почувствую? Как же тогда узнавать, какие там в организме неполадки? – запротестовала Дарья.

– Если вы сломаете ногу, то не сможете идти. Думаю, будет заметно. Прочих же бессимптомных заболеваний на Центане не диагностировали уже много миллионов оборотов. Вам не о чем переживать.

Блондинка промокнула место укола ваткой, выбросила шприц и взяла в руки нечто вроде дефибриллятора, только без шнура. Собственно, работал он примерно так же – Дарья поняла этого уже спустя пару секунд. Только вот сердечный ритм у неё после разряда не изменился. Зато появилось другое ощущение – как будто по венам побежали языки пламени. Дарья судорожно глотнула воздуха.

– Что это? – округлив глаза, спросила она у Клото.

– Ваш эйд.

Клото обернулась и посмотрела на белую стену. Там появилось изображение внутреннего строения Дарьи, транслируемое в реальном времени и напоминающее нечто вроде во много раз усовершенствованного рентгена. Выглядело очень реалистично: так, будто девушку разрезали напополам и сняли на камеру с высоким разрешением.

Дарья, едва сдерживая удивление, уставилась на стену. Вроде бы, всё как на картинке в энциклопедии. Единственное – у неё оказалось два сердца. Одно на своём законном месте, другое, поменьше и какое-то золотистое, – в районе солнечного сплетения. На второе и указала Клото.

– Вот он. Радует, что пробудился. Ещё бы, мы ведь заблокировали его на тысячу оборотов! – блондинка рассматривала изображение так, словно это были не внутренности, а картинка с котятами, измазавшимися в блюде с молоком, – Что ж, это всё. Можете вернуться домой.

Дарья уже открыла рот, чтобы спросить, где же она живёт, как двери распахнул Белиал. Он уже успел сменить тёмную мантию, в которой выступал на суде, на ослепительно белую рубашку с красивыми блестящими пуговицами: они походили на горный хрусталь, в котором заключили плотный серый туман. Войдя, он сделал озабоченное лицо и шёпотом спросил:

– Как ты, Хава?

Клото быстро вышла из комнаты, прикрыв дверь.

– Я в порядке, – ответила Дарья, – Только я ничего не помню... из жизни здесь.

– Совсем ничего?

– Совсем. Даже имени не помню. Так что буду благодарна, если будешь называть меня Дашей.

– О, как жаль, – Бели неожиданно приблизился и заключил её в объятия, – я так скучал по тебе! Все эти три года... Мы ведь были так близки... Ты даже согласилась на этот эксперимент, потому что доверяла мне больше, чем самой себе. Ты так и говорила. Помнишь?

– Нет, – ответила Дарья, осторожно освобождаясь из объятий, – Но я помню, как ты мне наврал в симуляции, а потом исчез.

– Ты же слышала, я спасал дело, которому ты отдала тысячу оборотов своей жизни...

– Слышала, – прервала его Дарья. Девушка не хотела пока обсуждать эту тему: она ещё не поняла для себя, кого считать правым, а потому и говорить что-то определённое не могла,

– Бели, можешь объяснить мне, что это за ДУБ, о котором ты говорил?

– Конечно. ДУБ – дистанционное управление биообъектами. Хотя это, впрочем, очень старая аббревиатура. Сейчас у этой программы гораздо больше функций, но название уже устоялось. Это ДУБ запускал твоё сознание, создавая симуляцию.

– А где остальные? – вдруг подумала Дарья, – Я ведь там была не одна, где остальные люди? Они тоже пробудились?

– Ты что, ещё не поняла? – хмыкнул Белиал, – Не было других. Это всё – ты.

– Но как?..

– ДУБ скопировал твоё сознание. Всё: от фундаментального стремления к гармонии до любви к блестящим украшениям. Потом начал конструировать личности из этих характеристик и создал все возможные варианты... Кстати, о блестящих украшениях. У меня для тебя подарок.

Бели извлёк из кармана брюк бархатную шкатулку и открыл её. Внутри оказалась цепочка из сверкающих, похожих на фианиты камней, на которой висел чёрный камень размером с грецкий орех. Бели вытащил украшение и ловко застегнул на шею у Дарьи – та и охнуть не успела.

– Знаю, блеск у нас не в моде. Но тебе же нравится, – улыбнулся он, – А теперь можешь продолжать расспросы. Вижу, тебе не терпится.

– Но... Это... – как бы Дарье ни хотелось возразить что-нибудь достойное, к такому повороту она была не готова, а потому и спутанные мысли никак не хотели слипаться в предложение.

– Да, точно, – помог ей Бели, – Всем личностям ДУБ с помощью Vis Viva придавал вполне осязаемые оболочки, и они рождались уже на планете, которую мы, кстати, называем Крузо. Там личности функционируют автономно. ДУБ был запрограммирован лишь наблюдать, делать выводы и с помощью накопленного нейронной сетью опыта определять то, какие личности создать в дальнейшем, чтобы...

– Чтобы я не разнесла эту планету к чёртовой матери, запоров эксперимент?

– Чтобы поддерживать стабильность и обеспечить ускоряющееся развитие. Я бы так сказал.

– Но зачем вообще нужен был этот эксперимент?

– Видишь ли, – вздохнул Бели, – не так давно в нашем эйде появилась мутация, делающая получивших её центанцев почти бессмертными. Благодаря ей клетки перестают стареть и умирать, они продолжают обновляться на протяжении всей жизни. Венец эволюции! Однако эта же мутация лишает способности к продолжению рода. Всё взаимосвязано: продлив жизнь, природа отняла возможность обновлять её. С этим мы смирились, но почти одновременно с мутацией началась неизвестная эпидемия, поражающая всех, кто имеет эйд... Смертельная болезнь, от которой простому жителю без мутации, не обладающему большим количеством

Vis Viva, невозможно вылечить... Единственный вариант их спасения, найденный нашими практиками – избавление от эйда. Адона даже обдумывала закон по его удалению ради сохранения жизней сотен тысяч заболевших центанцев. Ты понимаешь, что значит удалить эйд?

– Хм... Судя по всему, это какой-то важный орган? – предположила Дарья, наученная суровой университетской жизнью отвечать всегда, даже если ничего не знаешь.

– Не просто важный. Он коллективный. И совершенный. Все эйды центанцев связаны между собой. Искусственное вмешательство в один из них предполагает и влияние на остальные. Если мы пойдём на удаление, то все лишимся сразу и Vis Viva, и бессмертия. Погаснет один – ослабнут другие. Погаснет тысяча – и все погаснут.

– Хочешь сказать, если оставить всё, как есть, то на Центане выживет всего миллион-другой?

– Думаю, человек сто. Этого вполне достаточно для сохранения культуры и прогресса. Однако Адона настаивает, что мы не должны допускать смерти. Что обязаны спасти центанцев даже такой ценой. Лишиться всего...

– И поэтому вы решили лишиться всего этого меня и посмотреть, что ждёт Центан в режиме быстрой перемотки?

– Не такой уж быстрой. Ты провела в симуляции три года, если говорить по-твоему. Хотя для тебя там прошли целые тысячелетия... И вообще, ты ведь сама согласилась на это. Доверилась мне. И я это ценю. Поэтому мы не должны дать этому эксперименту пропасть зря. Необходимо убедить всех, что жизнь без бессмертия и Vis Viva приведёт Центан лишь к печальному концу...

«Ага, – поняла про себя Дарья, – Так вот, почему они так пеклись о судьбе последнего моего воплощения. Как бы сказал Бели, «венца творения» ДУБа. Потому что глупо было бы отказаться от бессмертия ради расы, которая в будущем просто самоуничтожится. Тем не менее, Даша уже не была абсолютно уверена, что она действительно хотела расстаться с жизнью. Теперь ей казалось, что это была какая-то игра, случайность... ошибка. Однако делиться этими размышлениями с Бели она не стала. Слишком многое она ещё не успела обдумать и понять.

«Рядом с ним становится спокойно. Звуки его голоса проясняют мысли, дают определённую ясность. Хава доверяла ему настолько, что, фактически, отдала свою жизнь... И это я теперь Хава. Как мне себя вести? Стараться стать той, за кого меня принимают? Остаться Дашей? Вспомню ли я вообще, кто я такая? И что, если я так привыкла к симуляции, но не смогу жить без неё?».

– Бели, – вздохнув и отогнав навалившиеся скопом мысли, обратилась Даша, – не напомнишь, где я живу?..

Глава 8. Розовый закат

Дарья беспокоилась зря: потеряться в этом центанском городке оказалось попросту невозможно. Улица была всего одна и шла она по спирали, никуда не сворачивая и ни с чем не пересекаясь. Центр изучения Vis Viva, из которого она вышла, располагался в начале этой спирали, являясь как бы её исходной точкой. Дарье же, по словам Бели, необходимо было сделать примерно четыре круга, чтобы добраться до здания Общества волонтеров кольцевого Центана, где и находились её дом, работа и вообще – вся жизнь.

На улицах также царил монохром. Дома были белыми, дороги и лавочки – чёрными. Правда, деревянные детали скамей располагались не горизонтально, как на Земле, а вертикально, и представляли собой что-то вроде гладких приплюснутых ветвей, изгибающихся одинаковым образом. Как их так идеально подбирали друг к другу – загадка. Дарья пообещала себе обязательно выяснить это – сразу после того, как разберётся с остальным.

Ни одной урны девушка так и не нашла, зато фонарных столбов было невероятное количество. Правда, ни один не имел, собственно, лампы. Столбы заканчивались чем-то вроде ваз, в которых стояли букеты мелких разноцветных цветочков, похожих на ромашки, только ярко-синих, розовых и фиолетовых. Увядшие растения центанцы меняли на новые, забираясь по стремянке. Затем спускались вниз, к своим велосипедам с прицепом, полным свежих букетов, и ехали дальше. Красиво, только вот как это помогает освещать улицы по ночам? Велосипеды, к слову сказать, были практически такие же, как земные. Совершенная конструкция, принципиально менять что-то здесь бессмысленно. Разве что руль поднимался и опускался как у модных дорогих авто, чтобы к нему не приходилось тянуться.

Общая архитектура напоминала Даше фильмы об американских семьях среднего достатка: никаких блочных девятиэтажек, скромные домики в один-два этажа, маленькие садики за декоративным забором. Трава и растения, как, кстати, и стебли ромашек в вазах, были золотого цвета – прямо как нити неведомого вещества в той комнате, где девушка очнулась. Если приглядеться к ним поближе, можно было увидеть, что капли золотого сока медленно спускались вниз внутри стеблей и исчезали в земле. Интересно, почему не в обратную сторону?..

Эта загадка, в отличие от остальных, разрешилась незамедлительно. Пока Дарья наблюдала за движением сока, из дома показался хозяин сада в чёрном халате с запахом и немного растрёпанный. Он окинул взглядом свои владения, потом протянул по направлению к ним обе руки и как-то напрягся. Казалось, что от него исходят какие-то едва видимые волны золотой пыли: цветы будто оживились, закачались, словно на ветру, а стебли засияли вдвое ярче. Это продолжалось примерно с минуту, затем мужчина опустил руки и вытер пот со лба. Чуть вздохнув, он удалился обратно в дом. Дарья взглянула на растения: они заметно выросли, несколько цветов распустили свои розовые бутоны.

«Вот это я понимаю, садоводство, – подумала она, – ни тебе лопат, ни граблей. Попотел немного и готово».

Хотя действия мужчины выглядели почти магическими, Дарья всё же была уверена, что это, скорее, какая-то внеземная дистанционная технология. Ведь если бы в этом мире была магия, она должна была увидеть её гораздо раньше. Кто будет делать что-то руками, если есть вариант получше? Нет, скорее это их Vis Viva, про которую они всё время говорят. Интересно, а у меня она есть? Я же, выходит, тоже гражданка Центана...

Дарья подошла к следующему садику, вытянула руки и сосредоточилась, на секунду закрыв глаза. А когда открыла, увидела, что перестаралась. Трава, до того момента подстриженная в лучших традициях английских газонов, была ей по пояс, стебли стали не просто

выше, но и толще, а бутоны, судя по количеству опавших лепестков, успели распуститься по второму разу.

«Ой-ой, – Даша испугалась не на шутку, – А вдруг хозяин выйдет?».

Словно услышав её мысли, обитатели домика включили свет. От страха Дарья кинулась вперёд без оглядки – благо, её растительных подвигов прохожие не заметили.

«Разберутся как-нибудь, – утешала она себя, – У них-то с использованием этой Vis Viva всё в порядке».

Бело-чёрная гамма мелькала в глазах до тех пор, пока не появилось большое разноцветное пятно. Девушка невольно остановилась, чтобы рассмотреть эту диковинку. Ей оказался дом, по центанским меркам просто огромный – в целых четыре этажа. Окрашен он был во все цвета радуги плавным градиентом. Под самой крышей Дарья увидела надпись: «Общество волонтеров кольцевого Центана».

Перед радужным домиком стояла пара – мужчина и женщина, замороженно смотрящие на заходящее солнце. Он был среднего роста, голубоглазый, с каштановыми волосами, собранными в хвост и в просторной белой футболке, она – брюнетка, одетая в зелёное платье в горошек, чудесно гармонирующее с изумрудными глазами.

– Закат сегодня такой розовый, – восхищалась женщина, – Ещё ни разу не был таким.

– То ли ещё увидим, – улыбался мужчина.

Дарья взглянула на солнце, тянущее кверху свои последние лучи, словно утопающий – руки.

– Закат как закат, – сказала она вслух неожиданно для себя, – Он же всегда такой и есть. Миллион раз видела...

– Миллион раз! – пара от изумления раскрыла глаза, – Он же здесь всего лишь пару тысяч оборотов!

– Пару тысяч? Хотите сказать, что до этого вы устраивали себе ночь выключателем? – посмеялась Дарья. Юмор её вёл себя хаотично, иногда появляясь совершенно не к месту, а иногда выдавая что-нибудь вульгарное не смешное. В это раз получилось комбо.

– О, вы, наверное, Хава! – догадались они, – Простите, что не сразу узнали. Вы ведь ещё только приходите в себя... Значит, у вас в симуляции было много закатов?

– Вы даже не представляете, – задумалась Дарья, – И не представляйте. Лучше расскажите, почему вас-то закатами обделили?

– Это настоящая вежа истории, – гордо сообщил мужчина, – Вы, наверное, знаете это всё лучше нас, но пока не вспомнили, у меня есть шанс снова рассказать любимую историю. В общем, долгое время Центан был повернут к Райну одним и тем же боком. Поэтому люди могли жить только в районе плодородного кольца планеты, то есть там, где лучи падали под нужным углом. На одной стороне Центана оставалось слишком жарко, на другой – темно и холодно. Собственно, для жителей кольца Райн всегда держался в одном и том же положении. Скукотища, как по мне.

– Так уж скукотища, – засмеялась женщина, – Не слушайте его, Хава, мы даже и не думали, что Райн должен как-то двигаться. Так всегда было: два наших спутника, Каин и Авель, содержат много магнусита, так что они с Центаном образовали нечто вроде прочного треугольника, чьи вершины связывали электромагнитные силы. Они и не позволяли планете начать вращение вокруг своей оси. Обороты мы тогда считали, имея в виду полный путь вокруг Райна. Сейчас вот ввели счёт по оборотам вокруг оси, и теперь жуткая путаница: всегда не понятно, какой именно оборот имеют в виду. Приходится догадываться по срокам...

– Подождите, – остановила их Дарья, напрасно надеявшаяся, что на сегодня лекции окончены, – А если существовала такая сильная связь со спутниками, почему всё-таки началось вращение?

– В Центре рассчитали, что если уничтожить один из спутников, связь разорвётся, и планета начнёт вращаться. Соответственно, и климат начнёт выравниваться, а значит, через какое-то время станет больше пригодной для жизни территории, – объяснил мужчина, – Выбор пал на...

– На Авеля, я полагаю, – догадалась Даша, вспомнив свою земную историю. Кажется, в своих первых воплощениях она ещё что-то помнила о жизни здесь, – И как же его уничтожили?

– С помощью Vis Viva, конечно, – сказали оба в один голос. Женщина продолжила, – Наши родители – и мои, и Аврамовы, – были в числе Великолепной сотни. Это лучшие практики за всю историю Центана. Они одновременно направили на Авеля всю свою силу, и им удалось его уничтожить. Правда, многие тогда погибли. Но они знали, на что шли. И мы ими гордимся!

– Соболезную, – искренне сказала Дарья, – Извините, что затрагиваю старую рану, но... отчего они погибли?

– Применение Vis Viva отнимает много сил. Они отдали их все, – лаконично ответил мужчина и обратился к своей спутнице, – Пойдём, Сара. Завтра ещё вернёмся и обязательно найдём своего малыша. А пока все детишки будут в надёжных руках, – тут он слегка поклонился Даше и посмотрел на радужный домик.

Детишки? Только этого ещё не хватало. Даша не могла быстро сообразить, о чём идёт речь, поэтому представила себя матерью большого семейства. Троих, или нет, пятерых детей, которые кинутся ей на шею сразу, как она войдёт, и начнут выпрашивать гостинцы с другой планеты.

Пока она думала, пара удалилась. Райн окончательно скрылся за горизонтом, и на улицах загорелись фонари. Дарья опомнилась: откуда свет? Вместо фонарей ведь были обычные вазы на высоких ножках. Она пригляделась: на цветах, издавая сияние ярче ламп накаливания, сидели множество бабочек, чьи тельца сияли всё тем же золотым. Они ползали по бутонам, видимо, собирая пыльцу, одновременно обеспечивая население бесплатным освещением.

Что ж, ещё одной загадкой меньше. Дарья с облегчением вздохнула и вошла в здание. Внутри оно было таким же радужным. Первый этаж занимал детский приют – туда помещали тех, чьих родителей сгубила новая болезнь, о которой упоминал ещё Белиал. Даша поняла это из приветственных плакатов, висящих прямо перед входом. С души упал огромный камень – так вот о каких детишках говорила та пара!

И тут девушка почувствовала усталость. Суматоха этого дня долго не давала ей прислушаться к ощущениям тела, но теперь они всё-таки дали о себе знать. Она решила изучить все этажи как-нибудь потом. А пока её тянуло вверх, под самую крышу. Сопротивляться этому желанию не было ни сил, ни необходимости, поэтому она поднялась по ступеням и вошла в единственную на этаже комнату.

Это была её комната. Дарья почувствовала это сразу. От всего окружающего веяло чем-то родным: от кровати, повёрнутой так, чтобы видеть из окна звёзды, от жёлтых гирлянд на стенах, от стеллажа с книгами, от фотографий на пробковой доске... Девушка приблизилась, чтобы рассмотреть их. На большинстве была изображена какая-то девушка с длинными волнистыми локонами медового цвета, миндалевидными голубыми глазами и узким лицом. Дарья, заподозрив что-то, заглянула в висящее рядом зеркало – первое встреченное в Центане – и вновь вынуждена была удивиться. Так вот, значит, как она теперь выглядит!

Всё это – её фотографии. Рядом с ней всегда кто-то был, в основном – разные дети, которые обнимали её и улыбались. Похоже, волонёрство действительно было ей по душе. Надо же. Судя по всему, она была хорошим человеком на этой планете. На другой же одно из её воплощений мечтало завоевать мир и истребить пару лишних наций. «Неисповедимы пути мои, как говорится», – усмехнулась девушка.

На одной из фотографий Дарья узнала Бели. Они вдвоём сидели в лодке, Бели обнимал её одной рукой, а в другой держал весло. Оба улыбались во все тридцать два, если у центанцев, конечно, было то же строение челюстей. Похоже, в этот раз Бели не обманывал: они действительно были близки. Вопрос только в том, насколько?

«Я подумаю об этом завтра», – сказала самой себе Даша, вспомнив фразу из одного земного кинофильма. В конце концов, это высказывание принадлежало ей, как и всё, когда-либо произнесённое и сотворённое на Земле.

Глава 9. Гости радужного дома

Проснулась Дарья, когда Райн уже взошёл высоко над горизонтом. Выглядел он точь в точь как земное Солнце – она даже сначала подумала, что всё произошедшее снова оказалось сном. Но нет: обстановка была всё та же, с фотографиями и гирляндой. В комнату, тактично постучав, вошла девушка в белом. У неё были длинные рыжие волосы, заплетённые в две косы, и множество веснушек – вылитая Элли из «Волшебника Изумрудного города».

– Сомкнитесь, Хава! – восторженно воскликнула она, увидев Дашу, – Я всё-таки дождалась утра, как вы велели, хотя это было очень-очень трудно!

Дарья сделала приветственный жест и виновато посмотрела на вошедшую девушку.

– Простите, но я пока ещё ничего не вспомнила...

Элли потрясла головой, разбрасывая косички, и возразила:

– Ничего-ничего! Вы меня и об этом предупреждали. Помню как сейчас: «Мириам, когда я вернусь, не входи ко мне сразу, дождись следующего дня. Если потеряю память, расскажи всё и ни в коем случае не лги!», – тут она подняла указательный палец вверх.

«А я тут строгой дамой была, похоже», – подумала Дарья, а затем добавила вслух:

– Что ж, тогда рассказывай, Мириам.

– Что вы хотите услышать?

– Чем я здесь занималась. Всё, что мне нужно знать, чтобы снова влиться в работу.

– Ой, так я, наверное, и до следующего оборота не закончу! Я ведь вас с детства знаю. Когда я сюда попала, вы уже были главной по приюту. Каждое утро приходили к нам на занятия, разговаривали, спрашивали, как нам живётся, а вечерами играли с детьми в то, во что они захотят. После вашей экспедиции по обе стороны кольца вы возглавили уже всё Общество волонтеров, а меня сделали помощницей, даже добились, чтобы мне дали имя – я вам до сих пор благодарна! Теперь я присматриваю за приютом, а у вас только спрашиваю, как поступать в сложных ситуациях. Как, в общем, и главы других направлений. Вы всегда даёте очень мудрые советы...

– А в то время, что меня не было, с кем ты советовалась? У меня был какой-нибудь заместитель?

– Да. Вы просили идти к Белиалу, если что-то понадобится. Но я, честно говоря, так ни разу и не сходила.

– Значит, всё было гладко?

– Не совсем, но... Я всё сумела решить сама.

– Ты умница, Мириам, – решила подбодрить её Дарья. Было видно, что девушка очень старалась, – Но, знаешь, может, я делаю поспешные выводы... Ты ведь в курсе, что не обязательно всем угождать, чтобы тебя принимали и уважали?

Девушка улыбнулась – одновременно восхищённо и печально.

– Вот теперь я вас узнаю. Вы очень часто говорили мне эту фразу. И я уже начинаю её понимать.

– Хорошо. И вот ещё что, Мириам... Ты ведь давно меня знаешь. Может, поможешь вспомнить, что у нас с Бели...

– Простите, но я ничего не знаю, – испуганно затараторила девушка, – Мне уже к детям пора. Спускайтесь тоже, если хотите. У них сейчас начнётся урок духовной культуры.

На этом она быстро выбежала за дверь. Дарья заметила, что Мириам оставила у кровати поднос с завтраком. Самое время! Об ужине вчера она так и не вспомнила.

На белой тарелке лежало нечто светлое, порезанное кружочками диаметром с теннисный мяч. Больше всего напоминало варёную картошку или марципан – эту сладость Дарья очень любила, поэтому попробовала блюдо с явным интересом. Увы, ожидания не оправдались: на

вкус оказалось всё-таки как картошка. Даже, пожалуй, чересчур картофельно, словно рецепторы на языке отказывались принимать реалии нового мира, в котором едят такую банальщину. Выбирать не приходилось: Дарья искала на подносе соль, но её там не оказалось. Нашлась только кружка с какой-то прозрачной жидкостью. «Только не вода, пожалуйста, только не вода, – шептала Дарья, поднося ёмкость ко рту, – спрайт, мартини, минералка на худой конец, да пусть даже водка...».

Не суждено было сбыться и этой надежде. Однако нет худа без добра: вода оказалась на редкость вкусной, даже будто бы родниковой. Такую и безо всяких добавок пить можно.

Наевшись центанской картошки, посоленной слезами из-за несбывшихся надежд, Дарья решила приступить к своим непосредственным обязанностям, а именно – спуститься на урок. Не столько из-за того, что хотела проверить, как тут без неё обходились – это её не особенно волновало – сколько из-за того, что сама хотела побольше узнать о духовной культуре Центана. Память-то пока не торопилась её выручать, а садик, который она вчера так легкомысленно испортила, никак не выходил из головы. Вдруг тут не принято прощать ближнего своего?

Учебный класс она нашла на втором этаже радужного домика. Немного помявшись у входа, словно опоздавшая ученица, всё же уверенно постучалась и вошла. Главная она тут, в конце концов, или кто?

Класс выглядел совсем не так, как Даша ожидала увидеть. Парт не было, ученики – все разных возрастов, от четвероклашек до выпускников, – сидели на стульях вокруг педагога. Учителем была женщина, одетая в чёрное наглухо застёгнутое платье с длинными рукавами и волосами, убранными в пучок. Всё-таки во всех мирах эти педагоги выглядят одинаково. Их профессия, пожалуй, накладывает на внешность самую явную печать.

– О, дети, посмотрите, кто зашёл к нам на урок! Глава нашего приюта, только вчера пробудившаяся от симуляции, Хава!

– Сомкнитесь, Хава! – прилежно в один голос проговорили ученики.

Даша вновь сделала приветственный жест и улыбнулась. Дети просияли.

– Если вы не против, я посижу у вас на уроке? – спросила она учителя.

– Конечно, это большая честь для нас. Берите стул, садитесь в круг.

Девушка послушно выполнила указания. Как тут всё-таки мудро заведено: даже такой знаковой фигуре не зазорно предложить быть с остальными на равных. Дарья всегда считала, что так и должно быть, так правильно... А может, это она и придумала?...

Учитель обратилась к детям:

– Сегодня мы с вами поговорим о главном символе нашей планеты – о кольце, давшем жизнь всем центанцам. Сейчас вы по порядку будете называть по одному кольцу, которое знаете. Повторяться нельзя! Начинай, № 9.

– Плодородное кольцо, в котором мы живём! – бойко ответил парнишка лет семи.

– Дальше...

– Кольцевые дороги в центанских городах, – сказал следующий.

– Хорошо...

– Магнитные кольца практиков, – добавил худощавый подросток в чёрной водолазке.

– Верно! – обрадовалась учительница, – Они принадлежат только самым сильным и мудрым людям. Покажите детям, Хава.

Даша испуганно уставилась на свои руки. Нет у неё никакого... Ой, и правда. Она уже забыла про него, так привычно кольцо сидело на безымянном пальце правой руки. Девушка подняла вверх руку с плоским чёрным украшением. По классу прокатился восхищённый вздох.

– Продолжаем, – прервала любование учительница, но тут в класс вошла Мириам.

– Извините за беспокойство, – сказала она, – Хава, к вам посетитель. Я отвела его в вашу комнату.

– Прошу меня простить, – ответила Даша и осторожно вышла, размышляя, кто это может быть.

Проходя мимо одного из кабинетов, девушка услышала знакомые голоса. Она подошла чуть ближе к двери, чтобы услышать, о чём они говорят.

Беседовали трое: Мириам, Аврам и Сара, вчерашние Дашины знакомые. Рыжеволосая настоятельница приюта задавала паре вопросы: похоже, они вместе заполняли какую-то анкету.

– Возраст?

– Тридцать пять и тридцать семь оборотов. Больших.

– Род занятий?

– Фермеры.

– Расскажите подробнее.

– У нас 100 дунамов земли неподалеку отсюда. Мы выращиваем еду для себя и тех, кто живёт поблизости, но часто остаются излишки. И ещё у нас трое гираков, хотя скоро у них в семье ожидается пополнение.

– Хорошо. Почему вы решили взять ребёнка из приюта?

– Мы бессмертные. Не можем иметь детей. Но очень... очень хотели бы.

– Вы осознаёте, что до зрелого возраста нельзя определить, каким будет ребёнок? Только годам к двенадцати по отсутствию внимания к противоположному полу можно будет предположить... А наверняка – только после тридцати, по наличию или отсутствию старения. Вполне возможно, что ребёнок окажется не бессмертным, и, в таком случае, однажды вы увидите, как он...

– Мы всё понимаем. И мы будем надеяться на лучшее, но... Если малыш вдруг... В общем, мы будем любить его в любом случае, до тех пор, пока он существует на Центане.

– Это очень зрелое решение. Мне это нравится. Пойдёмте, покажу вам наших проказников.

Троица удалилась, а Дарья, наконец, вспомнила, что наверху её ждёт таинственный посетитель.

За дверью комнаты Хавы на краешке кровати сидел Макс. Одет он был уже не в белую ряссу, а в обычные, немного потёртые в районе карманов джинсы и белую футболку. Но изменение одежды было отнюдь не таким разительным, как перемена во взгляде. Если раньше он напоминал густую горячую карамель на фабрике сладостей, то теперь радужка будто побледнела, как чернозём от иссушающей жары. Выражение лица соответствовало: уборщик № 42 выглядел очень, очень печальным.

– Макс? Что-то случилось?

– Ничего нового, – спокойно ответил он.

Дарья переступила с ноги на ногу.

– Мне так жаль... Насчёт суда. До сих пор думаю, что я тебе сильно навредила, назвав по имени. Я не знала, что судья так отреагирует. Меня привели на заседание сразу после...

– Не переживай об этом. Когда ты вошла, я сразу понял, что ты Даша. Хава вела себя совсем иначе. И сейчас ты тоже не она.

– Это правда, – вздохнула девушка, – Я до сих пор так ничего и не вспомнила. И, честно говоря, это уже начинает меня тревожить.

– Думаю, с возвращением памяти будут сложности, – честно предостерёг Макс, – Я слышал, что ДУБ на Крузо был повреждён, и поэтому выбросил тебя обратно, как было, не загрузив оригинальное сознание.

– Звучит страшно...

– Не стоит бояться. Даша гораздо лучше, чем Хава.

– Ну да, – скривилась девушка. У неё в голове вновь отчётливо проступил образ несдержанного усатого политика, всё интенсивнее обретавшего её черты, – Судя по этим фотографиям совсем даже наоборот.

Макс проскользил своим потускневшим взглядом по стене, на которой висела пробковая доска.

– Хава была очень деятельной, решительной и целеустремлённой. Но она никогда не любовалась закатами.

Даша вспомнила, какую глупость сморозила при встрече с Авраом и Сарой. «Миллион раз!..». Да на Земле она отвлекалась на каждый живописно скользнувший по ветке солнечный луч! Значит, тогда были проблески сознания Хавы?

– Вообще-то я зашёл, чтобы задать тебе один вопрос, – вдруг вспомнил Макс, – Подумай и скажи: ты действительно хотела покончить с собой в тот раз?

– Нет, – сразу уверенно ответила девушка, – Я просто не хотела больше скучать и страдать. А это... Будто остальные мысли выключились. Или словно меня кто-то вёл к этому, как персонажа в видеоигре. Я даже не задумывалась, что делаю, в голове было так чисто и пусто... Глупо, наверное, но теперь мне кажется именно так.

– Что ж, – серьёзно заключил Макс, – значит, я умру, зная, что был прав.

Глава 10. Вечером во ржи

Макс встал и зашагал к выходу.

– Постой! – крикнула Даша, всё ещё изумлённая, – Ты чего вдруг умирать собрался?

– Ты же слышала приговор, – не оборачиваясь, ответил он.

– Да. Но там же не было ничего такого. Говорили же просто покинуть Центан...

– Вот именно. Ты же уже знаешь, что там, за пределами кольца, либо смертельный холод и мрак, либо невыносимая жара? Приказ уйти отсюда – всё равно, что казнь.

– Так, – Дарья уверенно встала. Она всегда наполнялась силой и крепостью духа, когда спасать надо было кого угодно, кроме неё самой, – Ты мне сейчас всё объяснишь, и мы вместе придумаем, что делать.

– Нет, – покачал головой Макс, – Не стоило мне приходить. Ты бы обо мне и не вспомнила...

Он стал спускаться по лестнице, не обращая внимания на крики девушки. Дарья побежала за ним, перебирая все возможные фразы, которые приходили в голову. Ничего не действовало. Но тут она вдруг что-то сообразила и решила рискнуть.

– Уборщик № 42, я приказываю тебе остановиться! Как младший практик и член Общества волонтеров кольцевого Центана!

Она не знала наверняка, должен ли Макс подчиняться приказам всех, кто выше по статусу. Но разумные доводы уже закончились, а попытка не так уж дорого стоила. В худшем случае, эту её выходку просто списали бы на потерю памяти. Но приказной тон сработал. Макс обернулся и посмотрел на неё, вопросительно и немного удивлённо. За дверью рядом послышался какой-то шорох.

– Здесь не лучшее место для таких разговоров, как я понимаю, – сообразила Дарья. Мозг начинал работать всё лучше и лучше, что не могло не радовать, – Тогда пойдём к тебе, и там всё спокойно обсудим.

Макс опустил глаза. Выражение лица говорило, что сложившаяся ситуация ему категорически не по душе. Но делать было нечего: за послушание легко могли сократить срок, за который он должен покинуть пригодные для жизни места.

Дарья и Макс молча шли по спирали, разворачивающейся всё сильнее и сильнее. Девушка поняла, что чем больше кольцо, по которому они идут, тем менее престижный район там находится – если о Центане вообще можно было судить такими категориями. Во всяком случае, домики становились всё меньше, садики – проще, а букеты на фонарных столбах – мельче и тусклее. Наконец, город вовсе закончился. Линия спирали, ставшая уже практически прямой для идущих по ней, превращалась во что-то вроде просёлочной дороги, только ровной и чистой. По обе стороны от неё простирались поля с золотыми колосьями – в прямом смысле.

– Куда мы идём? Разве ты живёшь не в городе? – осторожно поинтересовалась Дарья. Любовь к власти была ей чужда, поэтому запал, с которым она заставила Макса подчиниться, иссяк ещё на полпути.

– Нет, – спокойно ответил Макс. Он уже тоже смирился с происходящим и теперь казался просто печальным, – По правде сказать, я теперь нигде не живу. До этого моим домом был Центр изучения Vis Viva, но после приговора я не хотел туда возвращаться. А когда ты приказала... Я вспомнил про дом родителей. Он уже давно стоит пустым, хотя и принадлежит мне.

Дарья поняла, что родителей Макса уже нет в живых, но спрашивать тактично не стала. Они шагали под полуденным светом Райна среди искрящихся живыми золотыми прожилками колосьев. Воздух был свеж и чист, ни одной пылинки не пролетало в ярких слепящих лучах. Дорога впереди казалось бесконечной. Несмотря на множество печальных и шокирующих

известий, Дарья вдруг захотела всю жизнь вот так идти вперёд по этому бескрайнему знойному полю.

Дорога всегда казалась ей чем-то очень важным, словно скрывала собой смысл всего сущего. Она любила поезда, долгие путешествия на автомобилях, сквозь поля и леса, сквозь горы и города. Несясь вперёд, словно божественная стрела, пронзающая время и пространство, Дарья ощущала себя частью Вселенной, частью этого мира, как никогда. Собственно, это и случалось только потому, что девушка не могла найти своего места нигде на Земле. А путь и был этим нигде. Неуловимый, но такой манящий.

«Пробираясь до калитки полем вдоль межи Дженни вымокла до нитки вечером во ржи», – эти строки подпрыгивали у Дарьи в голове, не переставая. Она посмотрела на Макса. Вернее, на его затылок: он ведь шагал впереди, показывая путь. Впервые Дарья задумалась о том, как было бы здорово идти по этой вечной дороге... не одной. Только с кем? Сейчас затылок Макса казался ей чем-то родным, словно был частичкой Земли, в отличие от этого прекрасного тела, в котором она оказалась. Девушка фыркнула. Как быстро она привыкает к людям, с которыми даже толком не знакома. Как бездомная собака, которой все до одного кажутся добрыми хозяевами. Но все знают, что такой собаке достаются отнюдь не одни мясные куски.

Макс, похоже, решил, что Дарья фыркнула от жары и долгой дороги, а потому решил с ней поговорить: путь становится от этого легче и быстрее на любой планете в этой Вселенной.

– Непривычно без ветра, да? – обернулся он, даже слегка улыбнувшись.

– Честно говоря, я даже не заметила, – честно призналась Даша, – вообще не люблю ветер.

– А мне иногда его не хватает. Когда ощутил его, будучи симуляцией, подумал, что это лучшее твоё изобретение.

– Это не я его изобрела, – засмеялась девушка, – он уже был. С самого начала.

– Это неважно. Он прекрасен. Ради ветра я бы отказался даже от Vis Viva. Чтобы чувствовать его кожей, видеть гнущиеся колосья. И волны. Да, особенно волны!

– Подожди, – Дарья прервала его мечтательные раздумья, – А почему у вас тут нет ветра? Макс указал пальцем в небо.

– Фильтры, – сказал он, пожав плечами так, словно это было в порядке вещей, – И регуляторы воздушных потоков. Ни пыли, ни ветра, ни плохой погоды.

Дарья уставилась в небо. Ничего не увидела: только Райн и облака. Она вопросительно посмотрела на Макса.

– Это шутка такая, да?

Макс засмеялся.

– Какая ты наивная стала.

Дарья с укором посмотрела на него.

– Вообще-то я не виновата. Я память потеряла, между прочим.

– Да, правда, – Макс вновь стал печальным, – Прости. Я не шутил, всё так и есть. Просто эти фильтры невидимы для глаз. И ещё они выполняют функцию большого экрана. Если Центру необходимо срочно всех проинформировать, они транслируют изображение на небо. Для этого Верховный правитель надевает такое небольшое устройство в виде кольца на голову, оно сканирует и передаёт изображение и звук.

Дарья представила: Адона, с нимбом на голове, раздвигает руками облака. Как причудливо, всё-таки, её разум трансформировал оставшиеся где-то в подсознании воспоминания о Центауне, когда стала симуляцией.

– Всё, пришли, – наконец, сказал Макс.

Поле закончилось. На его окраине, прямо на границе с дорогой, ведущей куда-то вдаль, стоял маленький одноэтажный домик с чердаком. По другую сторону дороги начиналась каменная пустыня. Окна домика выходили на все три стороны, кроме той. Оно и понятно:

пейзаж был не самый вдохновляющий. Один в один декорации к фильму про постапокалипсис в радиоактивном пепле.

– Что там? – с тревогой спросила Дарья, вглядываясь в мрачную безлюдную даль, пугающую своей тишиной, появившейся после нежного шума текучей золотой субстанции внутри колосьев.

– Тёмные земли, – Макс переступил с ноги на ногу, – Но не бойся, там никого нет. Жизнь не может существовать в таких условиях. Пойдём в дом.

Двери не было: вместо неё вход был занавешен хрустальными каплями на множестве ниточек. Вот что значит отсутствие неблагоприятных погодных условий.

– У тебя тут, наверное, всё уже разворовали, с такой-то защитой, – сказала Дарья, раздвигая звенящую занавесь.

– Нет, зачем. Центанцы самодостаточны, у них и в голове нет подобных мыслей, – тут Макс вздохнул, – по большей части так.

В доме действительно не было никаких следов мародёрства. Посередине тесной комнатки стояла небольшая кровать с чисто белым глаженным постельным бельём, рядом с ней – чёрный столик с каким-то странным инструментом в виде спирали, по которой были установлены маленькие диски на иголочках. Самой крупной мебелью являлся книжный шкаф, заполненный до отказа, а пол почти полностью занимало бесчисленное множество горшков с землёй, из которых торчали давно засохшие стебли. Совершенно обычные, земные, сухие и коричневые, безо всяких намёков на золотые прожилки.

Макс хотел поднять один упавший лист, но он рассыпался прямо у него в ладони.

– Знаешь, такие цветы надо поливать чаще, чем раз в пять лет, – со знанием дела сообщила Даша.

Макс поморщился. Даша не знала, что больнее: смотреть на него или быть сейчас им самим.

– Это очень... Очень неприятное зрелище. Я, пожалуй, объясню тебе всё позже. А сейчас давай перекусим. Может, мне полегчает, – ответил парень, доставая пачку каких-то мелких белых таблеток.

Даша нахмурилась. По опыту она знала, что от лекарств такого размера ничего хорошего ждать не приходится. Все витамины и прочая полезная дребедень имеет крупные габариты: взять хотя бы аскорбинку, которую скорее следует называть шайбой, чем таблеткой. А вот антибиотики, валидол, антидепрессанты, феназепам всегда противненько мелкие. И «Первитин», кстати, тоже.

– Ты чем-то болеешь? – спросила девушка, – Мне говорили, что на Центане можно максимум ногу сломать.

– Да нет, – равнодушно ответил Макс, – Болезни хоть и редко, но бывают. Не бывает боли, по крайней мере, не превышающей определённый порог. Так что переживать не о чем – я ничего не чувствую. Так что давай лучше приступим к ужину.

Угощение, оказавшееся у Макса в рюкзаке и разложенное на маленьком столике, уничтожило последние надежды Дарьи. Картошка. Опять картошка. И вода, разумеется. Девушка сделала пару укусов, после чего поняла, что не может больше это терпеть. Потеря памяти, эпидемия на Центане, суды, приговоры – с этим всем худо-бедно справиться можно. Но с пресной картошкой на завтрак, обед и ужин – это перебор.

– Да есть в этом мире хоть что-нибудь вкусное? Печенье, чай, хотя бы соль!

Макс чуть не поперхнулся от такого напора.

– Я не знал, что ты так привыкла к земной пище, – ответил он, – Честно признаться, эти ваши блюда, в которых столько намешано...

– Что ты хочешь сказать? Даже не говори, что не понравились, не поверю!

– Они... довольно своеобразные, – дипломатично заключил Макс.

Девушка закатила глаза.

– Что может быть хуже пресной картошки?

– Это не картошка. Это манха. Здесь все едят только её. И прелесть такой еды в том, что она будет ровно такого вкуса, какой ты себе представишь.

Дарья задумалась. Когда она впервые пробовала национальное центанское блюдо, она, и правда, в последний момент испугалась, что оно вполне может оказаться картошкой, а не марципаном. Поэтому решила рискнуть и сосредоточиться на последнем.

Во рту почувствовалась сладость. Язык ощутил вкус миндаля и нежную, рассыпчатую текстуру орехового десерта. Она откусила ещё раз: теперь это был бутерброд с колбасой. Мысленно добавив к нему майонеза, девушка моментально доела свою порцию. Когда же Дарья взглянула на стакан, у неё загорелись глаза. Она взяла его, сосредоточилась и начала пить: мохито! Точь в точь такое, как на земном пляже. Ну, с такой манхой и на Центане жить можно.

– Здорово! А как это работает?

– Если узнаешь – больше представлять не получится. Я и сам не знаю.

– Хм, ладно. Поживу в неведении. А ты сам-то что себе представляешь?

– Честно сказать, я очень полюбил чай твоей бабушки.

– Тот самый?

– Ага. Хотя мне всё ещё стыдно, что я вот так бесцеремонно присвоил себе её рецепт.

– Думаю, она была бы не против.

– Раз ты так говоришь, я спокоен.

Насытившись, они улеглись на кровати. День уже клонился к закату: похоже, дорога сюда была более долгой, чем казалось Даше. Небо окрасилось в нежно-оранжевый. Золотистый пейзаж за окном успокаивал, и девушку начало клонить в сон. Она взглянула на Макса: тот тоже уже лежал с закрытыми глазами.

– Ага, значит, ты только в виде симуляции можешь бодрствовать по ночам, как восьмиклассница на дискотеке.

– Это да, – тихо согласился он, не поняв сравнения, но уже не имея сил спрашивать.

– Эй, Макс! Эй! Я так понимаю, домой ты меня уже не поведёшь?

– М-м, – отрицательно промычал он.

– Вот ты жук! – слабо возмутилась Даша, зевнув, – Но ты не думай... Память-то я потеряла, но всё, что умела на Земле, помню отлично. А я, кстати, ходила на курсы самообороны. Так что, если ты вдруг...

– Спи спокойно, – печально улыбнулся Макс, – я бессмертный.

Даша заснула. Но в голове её даже во сне вертелось: «Если кто-то звал кого-то сквозь густую рожь, и кого-то обнял кто-то – что с него возьмёшь?».

Глава 11. Голос с небес

Убедиться в том, что Макс не обманывал насчёт фильтров, Дарье удалось уже на восходе. Её разбудил звук грома, но, так как гроз в Центане быть не могло, девушка сразу сообразила, что произошло что-то особенное. Через окна и хрустальную занавесь пробивались лучи, тысячами солнечных зайчиков заполняя стены маленького домика. Макс всё ещё спал, и девушка сама вышла на крыльцо, чтобы узнать, в чём дело.

С неба на неё смотрел Белиал, вернее, его мужественный бюст. Старший практик Vis Viva был в чёрной рубашке и с нимбом на голове. Даша машинально поправила смявшееся платье, но совершенно зря: похоже, он её не видел. Да и вообще, изображение такого размера наверняка транслировалось на весь город, если не больше.

– Жители Центана! Сегодня утром мы с прискорбием обнаружили, что почётный член Общества волонтеров, наша Хава, за самочувствием которой мы следим с большой тревогой и надеждой уже более трёх больших оборотов, пропала. Она не вернулась к себе домой, и никто не знает, где она находится. Если кто-то видел её, просьба немедленно сообщить в Центр изучения Vis Viva. Если ты нас слышишь, Хава – пожалуйста, вернись в Центан или дай знать, где находишься. Спасибо.

Изображение исчезло. Надо сказать, Белиалу шло быть богом: выглядел он точь в точь как Аполлон, не хватало только лаврового венка. Но это послание с небес только встревожило Дарью: с чего вдруг её стали искать? Неужели она настолько важная персона, что не может пропасть всего на пару часов? Или она на самом деле в ловушке, под присмотром Большого Брата?

Звякнули хрусталики занавески – из дома вышел Макс. Он был всё так же печален.

– Кажется, тебе стоит вернуться.

Дарье не хотелось возвращаться. Но она чувствовала, что это необходимо.

– Нет, – она завертела головой, как капризный ребёнок, – Мы же так и не успели поговорить...

– Время ещё есть, – через силу улыбнулся Макс, – А дорога здесь всего одна. Не заблудишься.

Она развернулась и быстро зашагала в направлении большого города. Дорога больше не казалась такой приятной и полной смысла, золото колосьев не привлекало взгляд. Слезы катились у неё из глаз, и Дарья мысленно ругала себя за это. Казалось, плакать не из-за чего: в конце концов, она могла сказать, что всё порядке, и вернуться обратно. Но дело было вовсе не в этом послании, и не в необходимости возвращаться. Слезы Дарьи были горем терпеливых – таким, которое долго копится где-то внутри, скрываясь за спокойствием и прокрастинацией, а потом резко накатывает, как цунами, поднимая со дна всё, что томилось там долгие годы. Дарья бежала всё быстрее, всё сильнее нарастала её паника и осознание того, что она оказалась в совершенно чужом мире, чужом теле и без малейшего понятия, что ей делать дальше. Впрочем, последний пункт можно было вычеркнуть: он ничем не отличался от того, что она чувствовала, будучи симуляцией.

Но шутка ли – осознать, что все когда-либо жившие люди на Земле – она сама? Гомер, Галилей, да Винчи, Гитлер, мать Тереза?.. Куда уж там до неё известному на весь мир Билли Миллигану. Если в ней скрывались задатки всех этих личностей, способные развиваться в определённых обстоятельствах, то что она вообще такое? И что она такое теперь?

Дарья бежала так, что жители центанского городка, оказавшиеся поблизости, вполне могли ощутить незнакомое им доселе дуновение ветра. Девушка была готова пасть духом, стресс, вызванный посланием, довёл её до этого, и теперь она отчаянно нуждалась в поддержке. И Белиал это знал.

– Хава, дорогая, с тобой всё в порядке! – с облегчением вздохнув, он заключил её в объятия сразу же, как только увидел.

Дарья не сопротивлялась. Больше всего сейчас ей хотелось спрятаться, и Бели любезно предоставил для этого свою широкую спину.

– Как же я волновался, – говорил он, глядя её по голове, – Думал, что ты потерялась, заблудилась. С твоего пробуждения прошло же всего несколько оборотов. Где ты была?

Благодаря заботливому Бели Дарья, наконец, почувствовала, что снова твёрдо стоит на земле. Хотя, если быть точным, стояли они оба в её комнате, на четвёртом этаже Общества волонтеров кольцевого Центана.

– Я гуляла, – ответила она уклончиво, – осматривалась. Думала, это поможет мне что-нибудь вспомнить.

– Говорят, о правах, которые даёт тебе статус младшего практика, ты уже вспомнила, – улыбнулся Бели.

«Надо же, как быстро разносятся слухи, – Дарья вспомнила, как бежала по лестнице за Максом, – Надо быть осторожнее со своими словами».

– А как же насчёт самого главного? Самое главное ты вспомнила? – светлые голубые глаза Бели словно пронзали её насквозь.

– Ты про что? – неуверенно уточнила Даша.

Бели молчал, не отрывая взгляда. Девушке стало не по себе, и она отвернулась. Он взял её за руку.

– Всё будет хорошо. Я что-нибудь придумаю. Только не пропадай больше. Хотя бы отвечай на звонки, ладно?

– На звонки? Тут что, и телефоны есть? – Дарья удивлённо подняла брови.

Бели взял её правую руку, соединил большой и указательный палец. Подержал так несколько секунд, затем отпустил. На ладони Дарьи засветилась голубоватым светом полупрозрачная голограмма, напоминающая экран земного смартфона. Правда, функций там, похоже, было гораздо меньше. Судя по всему, можно было только звонить. На экране красным светилось количество пропущенных – трёхзначное число. Даже мама столько не звонила.

– Интернета нет? – расстроено спросила Даша, уже зная ответ на свой вопрос.

– Ты придумала его, потому что очень хотела объединить все-все частички себя. Здесь он не нужен.

– Ясно, – девушка вздохнула, – А я всё думала, почему у меня пальцы немеют. Это, оказывается, входящие. Ладно, буду теперь звонить. Только ты больше не забирайся в облака, ладно?

– Я сделаю всё возможное, чтобы защитить тебя. А могу я перевернуть весь Центан, включая Тёмные земли и Белые горы.

Эта фраза, звучащая, вроде бы, как нечто ободряющее, вновь уколола Дашино сердце тревогой. Но Бели не был намерен её пугать. Более того, будь девушка ещё хоть немного уверенней в себе, она бы могла поклясться, что он хочет её поцеловать.

– Что ж, ладно, – сказал Бели, – Отдыхай, приходи в себя. Но если что – я всегда рядом.

Он приложил руку к уху, точ в точ как делали земные люди, показывая жест, значащий «созвонимся», и вышел из комнаты. Дарья задумалась.

«Странная вещь, это бессмертие, – у неё в голове всё ещё вертелись слова Макса, сказанные вчера перед сном, – вот ты, вроде бы, не стареешь, можешь оставаться молодым сколько угодно. Но при этом убить тебя всё ещё может любая мелочь, хоть бы горошинка, попавшая не в то горло. Поди знай, как этим жить: то ли строить планы на вечность, то ли предаваться гедонистическим настроениям. Всё как на Земле, хоть с бессмертием, хоть без. Никакой разницы».

Тут её взгляд упал на книжный шкаф. Она обещала себе посмотреть книги сразу, как его увидела, но до сих пор так и не удосужилась этого сделать. Теперь же решила исправить

ситуацию: зная о Центане больше, она повышает вероятность придумать какой-нибудь более-менее действенный способ помочь Максу.

Книги оказались действительно стоящими: были тут и школьные учебники, и детские сказки, и даже сборник «История кольцевого Центана» в восьми томах. Трезво оценив свои силы, девушка решила начать со сказок.

Надо сказать, сказки всех миров удивительно похожи. Они созданы для того, чтобы научить детей жить, поэтому герои их попадают исключительно в поучительные ситуации. Яркий иллюстрированный сборник (хоть что-то не чёрно-белое!), который Даша держала в руках, содержал историю о приключениях центанского мальчика по имени Полло.

«Давным-давно, когда кольцо было совсем узким, Райн неподвижно светил с неба, а все люди были смертными, жил один мальчик. Звали его Полло. Ему очень нравилось наблюдать, как мама и папа выращивают пшеницу, вливая в стебли силу своих эйдов. Родители говорили ему, что это очень тяжёлый труд, но Полло всё равно хотел поскорее научиться этому искусству.

Наконец, папа и мама согласились на время наделить его своей силой. Они заключили свои золотые эйды в крошечную прозрачную амфору и надели её на шею Полло. «Будь осторожен, сынок, – сказала ему мама, – Это самое дорогое, что у нас есть».

Полло был послушным мальчиком, но ещё больше он был ребёнком, восторженным и весёлым. Он выбежал в поле, нашёл яблоню и стал вливать в неё силу, заключённую в амфоре. И тут – о чудо – ветви потяжелели, лепестки опали, а на их месте выросли яблоки: сочные, сладкие, наливные. Наелся их Полло так, что едва мог моргать, да так развеселился, что забыл о маминых предостережениях. Он снял с шеи заветную амфору и стал бегать с ней по полю, крича: «А я могу всё, что угодно! А я теперь самый сильный!».

На этот крик прилетел злой Рух. Он очень любил всё, что блестело, а потому камнем кинулся вниз и выхватил из рук маленького Полло подвеску с амфорой. Мальчик и охнуть не успел, а огромная птица уже совсем исчезла из виду.

Поплакал-поплакал несчастный Полло, да делать нечего: вернулся он к родителям и всё им рассказал. «Без силы наших эйдов мы не сможем выращивать пшеницу и делать из неё манху, – сказали родители, – кормить нам тебя нечем, иди в город, ищи того, кто возьмёт тебя».

Но Полло не пошёл в город. Он был смелым мальчиком, а поэтому решил во что бы то ни стало вернуть родителям их эйды. Полло не знал, где искать гнездо Руха, но видел, что прилетел он со стороны Тёмных земель.

Страшно было маленькому Полло, но он взял с собой оставшуюся манху и пошёл в Тёмные земли. Долго ли, коротко ли шёл, да только стало так темно, что не видно было даже руки, вытянутой прямо перед собой. «Как же я теперь найду гнездо Руха?» – сокрушался Полло. Вдруг небо озарилось светом, и оттуда посмотрел на мальчика сам Верховный правитель с золотым кольцом вокруг головы.

«Много ты совершил ошибок, Полло, – сказал он, и голос его был подобен грому, – Хоть намерения твои и не были дурны, ты не думал о последствиях. Но отправившись в Тёмные земли, ты сделал свой первый правильный выбор. Поэтому я помогу тебе. Взгляни прямо перед собой».

Верховный правитель исчез, но в гаснущем небесном свете Полло заметил, как впереди что-то блеснуло. Он подошёл поближе, и – вновь чудо! – прямо у его ног лежала заветная амфора, а внутри горели золотым светом эйды мамы и папы.

Обрадовались родители, встретив своего сына на пороге. «Теперь мы сможем выращивать пшеницу, а ты, когда вырастешь, будешь нам помогать», – сказал отец. «Нет, – возразил ему Полло, – я стану практиком, чтобы следить за последствиями добрых намерений».

Даша закрыла книжку. «Какие у них здесь детишки образованные», – подумала она, глядя сборник по корешку. Её немного смущало то, что сама она за всю земную жизнь не додумалась до этой истины. Похоже, что этические вопросы занимают умы центанцев гораздо сильнее физиологических.

Так оно, впрочем, и было: Дарья подтвердила свои догадки, пролистав нечто вроде местной Конституции под названием «Кодекс кольцевого Центана». По нему выходило, что самое тяжкое преступление, которое может совершить гражданин этой планеты – это нанести другому неизлечимую душевную травму. Это каралось наравне с убийством; при этом нанесение телесных повреждений закон наказывал отнюдь не так строго, как, например, обиду.

«Кодекс» ответил на один вопрос, но поставил перед Дашей ещё больше проблем. В ход пошёл сравнительно тонкий медицинский справочник, из которого стало ясно, почему здесь такие необычные законы. Оказалось, что укол после пробуждения ей сделали не просто так: уже многие поколения центанцев вовсе не чувствуют боли. Они её победили, научившись создавать мощные анальгетики продолжительного действия и совершенные системы диагностики заболеваний. Боль, необходимая землянам для того, чтобы знать о неполадках в организме, была здесь уже не нужна – для выявления абсолютно точного состояния тела и всех его систем существовала специальная техника.

«Пособие по управлению силой эйда для чайников» оказалось вовсе не таким простым, как намекало название. Дарья утешала себя тем, что ей никогда не давались технические науки – она была гуманитарием до мозга костей, точнее, до самого центра её богатого внутреннего мира. Но главное она поняла точно: почти вся совершенная центанская аппаратура работает на особой силе, вырабатываемой тем самым маленьким органом, напоминающим прозрачное сердце с золотистой субстанцией вместо крови. Для того, чтобы активировать её, достаточно «мысленного импульса» – желания, проще говоря.

Справочники по садоводству, кулинарии и прочим человеческим занятиям, для которых нужна хоть какая-то физическая работа, в один голос сообщали: центанцы – люди исключительно интеллектуального труда. Для всего остального есть Vis Viva.

Глава 12. Распад

От новой информации голова тяжелела, как в ночь перед экзаменом. Чем больше Даша читала, тем сильнее приходило осознание, что настоящим центанцем ей стать не получится. Идей, как помочь Максусу, тоже не было: о спасении приговорённых в книгах не нашлось ни строчки.

Отогнав грустные мысли, девушка поняла, что ей надо проветриться. На этом в комнату вошла Мириам.

– Ваш обед.

Разумеется, на тарелке была манха. Но теперь это Дашу скорее радовало. Она откусила кусок белой субстанции и закрыла глаза, почувствовав знакомый вкус пиццы с грибами.

– Слушай, Мириам, – сказала Дарья, прожевывая, – Ты сейчас очень занята?

– Нет, – честно ответила та, – на сегодня приём усыновителей уже закончился.

– Значит, мы можем с тобой погулять? Покажешь мне город.

– Как скажете.

– Да ты расслабься, – приободрила её уже сытая и подобревшая Даша. Хотя, возможно, тому виной была вода, нескромно превращённая в вино силой мысли, – Мы как подружки пойдём. Не как начальница и подчинённая. И называй меня Даша, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулась Мириам.

Дарья выбрала из гардероба Хавы наименее скромное чёрное платье и дополнила его украшением, подаренным Бели. В этом виде она вышла на улицу со своей новоиспечённой подружкой. Хотя такой статус, конечно, приписан был условно: тело Хавы выглядело почти вдвое старше Мириам, которой едва можно было дать пятнадцать. Впрочем, кто знает, как взрослеют на Центане?

– Куда пойдём, Даша? – дословно выполнила указания «подруги» настоятельница приюта.

– Туда, где весело. Покажи мне, как тут у вас, в Центане, развлекаются? Или все с утра до ночи только книжки читают?

– Вообще-то наш город называется Ис. Центан – планета, хотя, по правде сказать, кольцо совсем небольшое, так что мы привыкли называть себя центанцами, а не исовцами. И, если честно, – замялась Мириам, – то чтение некоторых книг детям действительно разрешают только после уроков и прочих дел. Учебникам – время, сказкам – час. Так все взрослые говорят. И я теперь тоже.

– Забавное совпадение, – сама себе сказала Даша, – Но ладно. Веди меня в самое весёлое место. А там – сориентируемся по обстоятельствам.

– Тогда мне будет не сложно. Такое место у нас всего одно.

Парк, носящий имя «Толлан» интриговал одним своим видом. Подходя к нему, можно было увидеть лишь вывеску: то, что было внутри, скрывали собой стены из плотно растущего золотого тростника высотой с несколько этажей. Вход был закрыт массивной чёрной дверью, которая, впрочем, была не заперта.

Прямо за дверью виднелся маленький киоск. Мириам подошла к нему и попросила у продавца воздушной манхи – этакий аналог земной сладкой ваты. Расплатилась она за него с помощью телефона. Даша заинтересовалась местной валютой.

– Нам всем начисляют актумы. Для этого не обязательно работать, главное условие – заниматься чем-то полезным. Программа анализирует наши поступки и начисляет актумы соответственно сделанному. Может и списать, кстати.

Даша проверила свой счёт – на Земле с такой суммой она могла бы обеспечить безбедное гедонистическое существование всей своей семье до пятого колена.

– Это ещё осталось от Хавы. Она их вообще не тратила на себя, только на благотворительность. А от этого актумы только множились, – улыбнулась Мириам, отламывая парящий кусок манхи на палочке.

Внутри «Толлана», на первый взгляд, не было ничего особенного. Всё, как на Земле: ровные дорожки с плавными изгибами, облагороженная растительность и множество родителей с детьми. Парк был совсем небольшим: кольцом он огибал скромную круглую лужайку, на которой сидела девушка в окружении толпы детишек, держащих в руках листки бумаги. Это было единственное место в парке, где царило хоть какое-то оживление. Дарья подошла поближе и узнала Клото. Сотрудница Центра была всё в том же цветастом платье.

– Так, – улыбалась она, нежно растягивая гласные, – как тебя зовут?

– Элиш.

– Хорошо, Элиш. Что ты нарисовал?

– Это динозавр.

– Очень похож! Ты видел отрывки из фильма о симуляции?

Мальчик кивнул. Дарья удивлённо подняла бровь: здесь не только все о ней знают, но и видели отрывки земной эволюции. Интересно, насколько подробные?

– И что тебе больше всего понравилось?

– Динозавры! Вот бы у нас тоже такие были!

– Убедил, – рассмеялась Клото, – Вот тебе динозавр.

Клото провела рукой по рисунку, смешной несимметричный зверь ожил, моргнул и прыгнул прямо на руку восхищённому мальчику. Он скорее побежал с ним в кусты – видимо, поиграть в эволюцию.

– Не забудь, он исчезнет на закате, – крикнула Клото, и, увидев Дашу, немного печально добавила, – Это Айса настояла, чтобы так было. Говорит, если давать им играть дольше, то они перестанут учиться.

– Разумно, – сказала Дарья, решившая придерживаться политики нейтралитета в разговорах с центанцами.

– А я думаю, что игра учит не хуже учебника. Зато детям нравится гораздо больше, – тут Клото заметила, что один из окружающих её детишек уже буквально сгорал от нетерпения, и обратилась к нему, – Что у тебя?

– Я Давид. И у меня гирак.

Дарья заглянула в листок. На нём было нарисовано животное, похожее на маленького оленёнка, только без рогов и с мягкими лапами вместо копыт.

– Гирак? Их же так много вокруг. Даже в этом парке...

– Но я хочу маленького! – запротестовал мальчик.

– Хорошо. Держи.

Оленёнок соскочил с листка и запрыгнул мальчику на плечо. Тот просиял.

В тот же миг Дарья услышала голос, от которого по коже пошли мурашки. Он был женским и при иных переменных довольно приятным, но дело осложняло то, что раздавался он буквально отовсюду, как эхо или злой дух из фильма ужасов. Однако это точно был не хоррор, потому что голос говорил следующее: «Давид! Давид, где ты, я тебя не вижу. Нам пора домой».

Даша бросила взгляд на тех, кто был рядом: они стояли в шоке, озираясь по сторонам. Из глаз Клото покатались слёзы, Мириам побледнела и задрожала. Воцарилась до того типичная мёртвая тишина, что не будь Дарья уже привита центанскими чудесами, она точно упала бы в обморок.

– Что здесь происходит? – спросила Даша, обращаясь сразу ко всем.

Никто не ответил. Дети, взрослые, все, кто был в парке, смотрели в одно и то же место – на скамейку, стоящую неподалёку. На ней сидела женщина, вернее, нечто, напоминавшее её. Вместо глаз у неё были чёрные впадины, рот беззвучно открывался, руки пытались нащупать

что-то неуловимое. При этом очертания её туловища выглядели так, словно она неаккуратно смазанная краска на картине. Женщина растворялась в воздухе, словно смешиваясь с ним – жуткое зрелище.

«Мои глаза не здесь... Мой голос... Где мой голос? Я его не слышу! Давид!».

Клото подбежала к женщине и стала водить рядом с ней дрожащими руками, словно пытаюсь собрать её воедино. Но с таким же успехом она могла собирать в кубик льдинку, растаявшую миллионами капель.

– Вы смертная? Можете бороться?

«Я плохо слышу! Где вы? Я вас не вижу. Я ничего не вижу! Давид, сынок! Где мой сынок? У него никого нет кроме меня...».

Это были её последние слова. Ещё секунда – и женщина растворилась совсем, словно её никогда и не было. Словно ластиком стёрли.

В полной тишине затухающим эхом звучало слово «Никого... кого... о-о-о». Оборванный стон вскоре смолк. Давид смотрел на скамейку, где только что сидела его мама. Он не плакал, но был очень испуганным, в глазах стояли слёзы. Гирак на его плече тоже замер и как-то съёжился.

– Чёрт возьми, – в шоке прошептала Дарья, прижимая большой палец правой руки к безымянному, – что тут такое творится вообще...

Синяя голограмма появилась в её руке. В списке контактов был только Бели, на него Дарья и нажала трясущимися пальцами.

– Привет, Хава. Рад тебя...

– Бели! Тут женщина... Я не знаю, что происходит! Голос отдельно, глаза отдельно... Она просто растворилась, и всё!..

– Успокойся, я сейчас буду.

Даша положила трубку и посмотрела по сторонам. Плакали уже все, едва слышно всхлипывая. Было видно, что произошла какая-то трагедия, которая касается всех. Даша не знала, что и думать. Если бы она была верующей, то наверняка бы решила, что это какая-то высшая сила наказала маму Давида, лишив её земной жизни. В любом случае, выглядело это даже страшнее, чем низвержение в ад, каким бы его мог описать Стивен Кинг.

Вот тебе и центанские развлечения.

К счастью, скоро в «Толлан» пришёл Бели. Мириам, увидев его издали, словно пришла в себя и направилась к осиротевшему мальчику.

– Давай ручку, Давид, – сказала она, пытаясь правдоподобно улыбнуться, – Пойдём, покормим твоего гирака. Ты уже придумал для него имя?

Мальчик молча взял Мириам за руку. Они пошли прочь из парка, но он до самого конца, не отрываясь, смотрел на ту самую скамейку. У Даши сжалось сердце. Потерять маму вот так... Оказаться совершенно одиноким и беспомощным в один миг. Хорошо, что Мириам оказалась рядом. Хотя вряд ли это вообще можно описать как «хорошо».

– Пойдём, Хава, – осторожно потянул её к выходу Бели, – тут уже ничего не сделаешь.

– Что это было? – спросила Даша, когда они вышли за пределы парка.

– Энтропия. Та самая болезнь, о которой я тебе говорил. Люди просто распадаются на мельчайшие частицы. Кто-то быстро, как эта женщина, кто-то сначала теряет голос, потом зрение, потом обнаруживает свои части тела в разных уголках Иса... Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть, правда. Это ужасное зрелище.

– А ты... Ты видел это?

– Да. Так погибли мои родители.

– Извини...

– Ничего... Я был примерно того же возраста, что и этот мальчик. Тогда энтропия только появилась. На место распада мамы с папой прибыл целый отряд практиков во главе

с Адоной. Она увидела меня и... В общем, она меня усыновила и воспитала. И я очень ей благодарен.

– Твои родители были смертными?

– Да. Хотя болезнь поражает всех, большинство бессмертных оказываются способны подавлять распад. Благодаря постоянному обновлению организма их Vis Viva гораздо мощнее. Никакого другого лекарства, кроме собственной силы, увы, не существует.

– Постой, – прервала его Даша, – Ты ведь говорил, что всё это из-за эйда... Его ведь можно удалить, и это остановит эпидемию...

– Не забывай, что эйд – коллективный орган. Удалить его у одного – всё равно, что удалить у всех. А это означает, что мы лишимся и Vis Viva, и возможности быть бессмертными. Навсегда.

Дарья простонала.

– Бели, я не понимаю... Клото говорила, что мне просто «отключали» эйд, когда я была симуляцией. Почему бы его так же не заблокировать? Хотя бы до того момента, как будет найдено лекарство...

– Ты – совсем другое дело. Ты – первый эйд, Хава.

– Что это значит?

– Изменения только твоего эйда не вызывают цепной реакции в остальных. И только ты, будучи бессмертной, сохранила репродуктивные функции. Так что, в каком-то смысле, ты уникальная. Исключение из правил.

– Исключение... Это похоже на правду, – с горечью подтвердила девушка, – Значит, Центану всё же придётся пожертвовать силой и бессмертием ради спасения тех людей, кто не в состоянии побороть болезнь?

Бели отрицательно покачал головой.

– Боюсь, Центану скорее придётся пожертвовать людьми ради сохранения жизни на этой планете.

– Что ты такое говоришь?

– У нас нет другого выхода. Мы сделали всё, что могли, но твой симуляционный опыт показал, что лишение Vis Viva и бессмертия приведёт нас к самоуничтожению. Этого нельзя допустить, – Бели вздохнул, – И, кстати, уже скоро нам надо быть в Центре на финальном совещании по этому вопросу.

– Вряд ли я буду вам полезна. Я ведь ничего не помню...

– Ничего страшного, я буду рядом. Тебе просто надо будет подтвердить, что ты сама закончила свою жизнь, и всё.

Дарья задумалась. Так ли это? Что ей сказать всем? Получается, что от её слов на самом деле зависит будущее целой планеты, которая, хоть она и не помнит, приходится ей родиной. Бели так уверен в её самоубийстве... Может быть, он прав, а Макс действительно только всё испортил и смутил её, когда вмешался?.. Но если это не так, то сотни, тысячи центанцев погибнут, распавшись, и только по её ошибке.

– Бели, – вдруг спросила Даша, – А как ты узнал, что я звонила тебе из «Толлана»? Я ведь не называла место...

Он растерялся – но всего на секунду.

– Мой эйд всегда стремится к моему, Хава, – ответил он и взял Дашу за руку.

Так они вновь вошли в Центр изучения Vis Viva, цитадель науки, от которой теперь зависело будущее центанского народа.

Глава 13. Путь к бесконечности

Вновь потянулись длинные чёрно-белые коридоры. Только теперь Даша заметила, что они на самом деле не прямые, а закруглённые, потому что Центр не выбивался из прочей городской спиралевидной архитектуры. Они приближались к отправной точке этой спирали, уже миновав и зал суда, и комнату, где она очнулась после симуляции. Наконец, Бели отворил неприметную белую дверь, и перед ними открылся вид на круглую поляну. Она была полна цветов, кустарников и трав – впервые не золотых, а совершенно земных, зелёных, живых и пахучих. В самом центре этой поляны стоял дуб – точная копия того, который был в одиноком домике Даша. Он казался необычайно большим и поистине могучим, словно секвойя. Перед ним хотелось преклониться, как перед божеством. Когда Даша подняла взгляд, чтобы рассмотреть его упирающуюся в небеса крону, у неё даже закружилась голова.

Около дуба в этом милом садике собралась вся центанская власть: Даша узнала пожилого судью с косичкой, Айсу, Лахесис и Клото – женщин, наблюдавших за её возвращением из симуляции. Вскоре из чёрно-белой толпы вынырнула и Адона. Она строго оглядела Дарью и, похоже, осталась не вполне довольна нескромным платьем и роскошным ожерельем. Впрочем, сейчас было не до этого, поэтому Верховный правитель тактично упустила этот момент.

– Сомкнись, Хава, – как-то задумчиво-печально сказала Адона. Даша сделала почтительный приветственный жест, – Полагаю, ты уже знаешь, зачем мы тебя пригласили.

Все присутствующие превратились в слух. Даша заметила, с какой материнской нежностью Адона взглянула на Бели – похоже, она действительно любила своего приёмного сына.

– Да, – ответила Дарья. Она уже готова была повторить слова Бели, всё ещё сжимавшего её руку, но её ослепил розовый закатный луч. Девушка взглянула на дуб, сквозь ветви которого он пробрался, и увидела трещину вдоль ствола. Перед глазами пронеслась её жизнь в лесном домике, таблетки, незваные гости, гроза...

– Давай, – шепнул ей Бели, почувствовав, что пауза затянулась.

– У меня есть просьба, – вдруг выпалила Дарья. Она понимала, что это будет не к месту, но подходящего момента могло и вовсе не представиться, – Я хочу, чтобы вы оправдали Макса. Сняли с него обвинения. Имею я на это право? Как первый эйд? Должна же я получить хоть что-то от планеты, ради которой провела в виде симуляции три больших оборота?

По садику прокатился возмущённый шёпот. Дарье стало страшно: похоже, такого права у неё не было.

– Мы уважаем твоё мнение, Хава, – строго сказала Адона, – Но ничего не можем сделать. Закон выше всех нас. Его не имеет права нарушать даже первый эйд. Мне жаль.

Даша посмотрела под ноги. Ситуация становилась безвыходной. Атмосфера казалась водой, полной тяжёлых металлов. Девушка задыхалась в ней, словно рыба, лишённая кислорода. Единственное, чего ей сейчас хотелось – выйти за эту белую дверь и бежать, бежать далеко, до самого золотого поля... Почему ей так важен был этот Макс? Она ведь видела его всего дважды в жизни, но он уже, сам того не ведая, контролировал её мысли, её дыхание, биение её сердца. Казалось, она обрела смысл, который искала всю земную жизнь – вернее, все миллиарды и миллиарды жизней, проведённых на Земле. Девушка не знала наверняка, но чувствовала, что этот смысл заключён в Максе. Неприметном, тихом, простом уборщике под номером 42.

– Я... я не знаю, что вам ответить, правда, – сказала она дрожащим голосом. Да, я пыталась покончить с собой. Но я этого не хотела... Не хотела, это точно.

По садику вновь пронёсся шепоток. Судьи и прочие держатели власти укоризненно качали головами, вслух сообщая друг другу, что «так не бывает».

– Тебя кто-то заставлял? – спросила Адона, – Если это так, скажи нам, не бойся.

– Нет, – Даша покачала головой, – Я хотела совсем другого. Хотела найти смысл. Но почему-то... Я не знаю, не знаю, правда! Я хочу отсюда уйти! Сейчас же!

Даша отвернулась и спряталась, уткнувшись в рубашку Бели. Адона нахмурилась и слегка кивнула ему. Тот осторожно вывел девушку из сада.

Очнулась Даша уже на кровати, укрытая мягким клетчатым пледом, глядя в белый потолок. Она не помнила, как здесь очутилась, хотя и была в сознании: настолько шок парализовал её. Но это определённо была комната центанца: чёрная кровать и стены, картина в виде спирали над подушками, чуть светящиеся золотым бра и минималистичная люстра в форме кольца.

Глядя на неё, Дарья вновь задремала, но уже через несколько минут вновь проснулась от того, что кровать прогнулась под тяжестью кого-то ещё. Это был Бели.

– Как ты, Хава?

– Что вы решили? – не ответив, спросила Даша.

– Ничего, – спокойно отозвался Бели, – я просто забрал тебя сюда, потому что тебе стало плохо. Так что знаю немногим больше твоего. Но у меня есть хорошая новость.

– Какая? – оживилась Дарья. Хорошие новости ей сейчас нужны были позарез.

Бели протянул сжатую в кулак руку и раскрыл её. На ладони лежала фиолетовая капсула.

– Сюрприз, – он расплылся в голливудской улыбке.

– Что это?

– Таблетка с оригинальной версией тебя. Выпьешь – и станешь прежней Хавой. Вспомнишь всё. Плюс-минус.

– А что будет со мной... То есть с Дашей?

– Даши не будет. И вообще не будет ничего лишнего. Никаких воспоминаний о Земле. Сможешь жить нормальной жизнью, как до симуляции.

Как бы соблазнительно не звучало предложение, Дарья не могла найти ни одной причины, чтобы выпить эту таблетку. Быть собой в чужом мире было тяжело, но после поучительного опыта с самоубийством она уже ни за что не хотела сводить счёты с жизнью, какой бы она ни была.

– Нет, Бели, я не хочу.

– Точно? Ты уверена?

– Точно. Уверена.

Бели убрал капсулу в карман, присел на край кровати и склонил голову, обхватив её руками. Даша сразу почувствовала, что что-то не так. Она выбралась из-под пледа, села рядом и заглянула ему в лицо: небесные глаза Бели переливались, как лунные камни, и были подёрнуты таким же плотным туманом.

– Боже, что... Бели, что не так? Я тебя чем-то обидела?

– Нет, нет, – ответил он, через силу улыбаясь и прерывисто дыша, – Ты же не виновата, что ты Даша. Совсем другой человек...

– Постой, – Даша приобняла его за плечи, – Неужели ты хочешь сказать...

– Да. Мы были парой. Идеальной парой... Но дело даже не в этом. Ты знала мой секрет. Одной тебе я мог доверить его. И это давало мне силы жить дальше.

– Какой секрет, Бели?

– Если я расскажу, пути назад не будет. И, пожалуй, у тебя появятся определённые... обязательства. Хотя, это, скорее, возможности, но в то же время...

Даше всё больше не нравилось происходящее. Бели смотрел странно, и ей становилось всё более неуютно под его взглядом.

– Знаешь, я, наверное, лучше пойду, – сказала Даша. И, чтобы не передумать, встала и бодро зашагала к выходу. Бели встал её проводить.

– Если что, – сказал он, держась за ручку входной двери, – капсула будет у меня. Надеюсь, ты передумаешь.

– Буду иметь в виду, – ответила Даша и отправилась в направлении золотого поля.

Пока девушка шла к дому Макса, ей становилось легче. Можно было подумать, что между ними двумя существовала тугая резинка, которая, натягиваясь при их отдалении друг от друга, всё сильнее сковывала сердце и не позволяла свободно дышать. Однако, как бы Даше не хотелось поскорее отодвинуть рукой хрустальные занавески, она всё-таки пересилила себя и зашла в приют, чтобы узнать, как чувствует себя Давид.

Мальчик сидел в одиночестве в зале и вяло играл с маленьким гираком. Тот уже начал понемногу бледнеть: день клонился к закату. Даша встала в проёме и с грустью смотрела на него. Мальчик обернулся, словно почувствовав её взгляд.

– Привет, Давид.

– Привет.

Девушка не знала, что ему сказать. Даша хотела его утешить, но она и на Земле-то не особенно в этом преуспевала. Скорее, была человеком дела: есть проблема – значит, есть действие, которое поможет её решить. Но самые сложные проблемы никогда не требуют простых бытовых поступков. Пока она думала об этом, гирак прыгал по полу. Прыжок, ещё прыжок. Потом он подпрыгнул высоко-высоко, но уже не приземлился – растворился в воздухе прямо под лиловым закатным лучом.

– У меня больше никогда не будет гирака, да? – спросил Давид, честно глядя своими большими карими глазами.

– Будет. Конечно, будет, – сказала Даша, и тут её осенило, – Посиди здесь. Я кое-что придумала.

Девушка побежала по лестнице и разыскала Мириам на третьем этаже. Она была на кухне: мыла посуду, направляя на неё раскрытые ладони. Кончики пальцев едва заметно искрились. Даша впервые видела использование Vis Viva вблизи. «Вот что значит – золотые руки», – подумала она про себя с улыбкой.

– Мириам, можно тебя отвлечь?

– Конечно, Даша. Чем могу помочь?

– Помнишь ту пару, Аврама и Сару?

– Да, помню. Они уже несколько раз приходили, но так и не выбрали себе ребёнка. Говорят, что хотят почувствовать нечто особенное. И я понимаю их, честно говоря. Это сложное решение.

– Я нашла их ребёнка.

– Кого? – Мириам была искренне удивлена.

– Давида.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Покажи им его как можно скорее. Уверена, они почувствуют то, чего так ждут.

– Как скажете, – согласилась Мириам, всё ещё не понимающая, с чего Даша вдруг так решила, – Знаете, после возвращения из симуляции вы стали другой. Сохранили свою проницательность и мудрость, но остальное сильно изменилось.

– В какую сторону? – с иронией спросила Даша, не надеясь на приятный ответ.

– В лучшую, – уверенно заявила Мириам, – Раньше с вами не было так просто и легко.

– Расскажи, – попросила Дарья. Ей искренне хотелось узнать, за кого её сейчас все принимают.

– Хава была доброй, да и мне не на что жаловаться, ведь она столько для меня сделала. Но её добро всегда было каким-то... рациональным, что ли. Она помогала детям, потому что говорила, что они будут обеспечивать старшие поколения центанцев. Любила, когда её хвалили, хотя это и было заслуженно, любила отдавать приказы, хотя и они всегда были справедливыми. Но Хаве не хватало душевности. Её невозможно было заставить испуганной, расслаб-

ленной... Не хватало человечности. Я думаю, вы действительно лучший вариант себя. Даша лучше, – лаконично заключила Мириам.

– Спасибо. Спасибо тебе, – растрогалась Дарья. Попав на Центан, она постоянно пыталась выяснить, какой здесь была, и соответствовать этому образу. Но Мириам помогла ей вернуться к себе и хоть немного расслабиться, – Кажется, кто-то мне уже об этом говорил.

Тут она вспомнила про Макса.

– Я пойду. Расскажи потом, что скажут Сара и Аврам.

На улице уже была ночь. Золотые бабочки расселились по цветочным вазам на фонарных столбах. Тени от их трепещущих крыльев танцевали на белых центанских домах. Даша шла по разворачивающейся спирали, и ей казалось, будто она распутывает клубок своих мыслей и неразрешённых вопросов. Дорога к Максy, определённо, была полна смысла, как и в прошлый раз.

На ночном небе неподвижно висел Каин, извечный спутник Центана, оставшийся без своего брата-близнеца. По размеру он был в несколько раз больше луны, и даже невооружённым глазом можно было различить кратеры на его неровной, светящейся голубым светом поверхности. В городе было тихо. Даша подумала, что уже все знают о том, что произошло на финальном совещании, и теперь настороженны и задумчивы не меньше неё. Ещё бы – человек, который должен был разрешить все проблемы, только создал их, да ещё и сам стал немаленькой такой проблемой. Эта мысль тяготила девушку, и она рада была, наконец, выйти к полю.

Из колосьев доносилось стрекотание центанских кузнечиков – во всяком случае, именно это напоминал тихий звук, сопровождавший Дашину прогулку. Это было приятно: если бы не непривычное отсутствие ветра и цветов, она могла бы полностью ощутить себя на Земле, гораздо более прекрасной, яркой, полной ароматов и звуков. И почему она не замечала этого?

Что имеем – не храним... Поговорка вспомнилась Даше, когда она уже подходила к домику на окраине поля и Тёмных земель. Нет, теперь она уже знает, что к чему. Она не потеряет то, что ей так дорого.

Звякнули хрустальные занавески. В единственной комнатке никого не было. С её прошлого визита почти ничего не изменилось, разве что горшки были помыты и убраны в угол, так что на полу даже появилось место, куда можно было наступить. На кровати лежал пакетик с манхой. Рядом с ним – пустая упаковка из-под таблеток. Даша видела её здесь и в прошлый раз – Макс на её вопросы говорил, что пьёт их каждый вечер с самого детства. Кажется, он ещё недавно был тут. Куда же делся?

Взгляд Даши упал на стол, где ещё с того раза оставалась странная спираль с дисками. На нём появилось ещё кое-что – прямоугольное, прикрытое куском грубой ткани. Девушка осторожно убрала её: это оказалась картина, изображающая закат. Даша восхищённо ахнула: цвета были переданы удивительно точно, а в нежных лучах даже можно было разглядеть неуловимый туман, стоявший над лесом в ту ночь, когда она впервые увидела одинокий лесной домик. Да, это определённо был тот самый закат. Сердце сжалось – то ли от приятных воспоминаний, то ли от тоски по далёкому дому, в котором на самом деле её никогда не было.

Вдруг Даша услышала какой-то шорох. Обернувшись в поисках источника звука, она увидела неприметную, сливающуюся со стеной лестницу, ведущую на чердак. Не найдя ничего, хотя бы отдалённо напоминающего оружие, решила подниматься так. Лестница была шаткой, и девушка чувствовала себя чуть ли не первой исследовательницей древней гробницы. Спустя несколько ступеней она смогла высунуть голову и осмотреться.

Чердак был, как и положено, завален множеством вещей. Наполовину он напоминал сарай: здесь были и грабли, и лопаты, и мешки с землёй, и развешанные повсюду мешочки с семенами – в общем, всё, о чём только мог мечтать профессиональный садовод. Другая же половина представляла собой мастерскую какого-то деятеля искусства. По стенам были разве-

шены картины, на полу стояли и лежали различные устройства, по виду которых можно было сказать, что это какие-то особые музыкальные инструменты. Пол пестрел, заляпанный краской.

Посреди всего этого беспорядка сидел Макс, держа мятый листок бумаги. Руки его тряслись, из глаз катились слёзы. Он не просто не мог сдерживать их – парень буквально задыхался. Даша решила вылезти целиком. Макс вздрогнул, заметив её, вытер слёзы и отвернулся к маленькому круглому окошечку под самой крышей.

– Что случилось? – сочувственно спросила она, глядя ему в спину.

Макс скомкал в руке листок бумаги.

– Я могу чем-то помочь?

Он отрицательно покачал головой. Постоял неподвижно несколько секунд, будто раздумывая, потом решительно направился к одному из столиков, достал оттуда ящик и вывалил его содержимое на пол. Это были пачки тех самых его таблеток. Узнать их не составляло труда: они выглядели необычно, потому что на них не было совершенно никакой информации – просто белые коробочки и никаких инструкций. Пачки были тут же смяты, растоптаны, а затем подожжены – Макс выпустил в них довольно много Vis Viva, потому что пальцы его буквально искрились, а на лбу выступал пот. Огонь исчез сразу, как он опустил руки. На этом его ярость не закончилась, но зато он, наконец, заговорил.

– Все эти обороты! Все эти большие обороты! Как они могли...

– Макс, – осторожно сказала Даша. Она беспокоилась всё сильнее, видя, как пепел сгоревших лекарств – наверняка жизненно важных – медленно просачивался сквозь трещины в полу, – Кто они?

– Родители, – последовал ответ, – Они лишили меня... половины жизни. Ха, – он поднял глаза к потолку, – Я ведь всё время искал что-то. Чувствовал, что чего-то не хватает. Старался поймать неуловимое. Свет, тени, туман... А оказалось, это они отняли у меня...

Тут Макс посмотрел на ту половину чердака, где висели картины. На секунду зажмурившись, открыл глаза и кинулся к ним. Стал срывать укрывающую ткань, яростно, неаккуратно. Полотна падали, деревянные рамки трескались, и Даша вздрагивала при каждом звуке, словно это ломались её собственные кости. Она не могла даже представить, как можно остановить Макса: попадаться под горячую руку не хотелось.

Картины на чердаке были уничтожены буквально за минуту, и Макс в один миг оказался у лестницы. Даша поняла, что он вспомнил – тот рисунок с закатом, стоящий на столике у кровати. Уничтожения этой картины она допустить не могла – слишком многое для неё значил тот момент, который художнику удалось уловить. Даша кинулась за ним.

– Стой! Не трогай! Приди уже в себя, Макс!

Он обернулся и посмотрел на неё. Его карие глаза пылали, как угли, брови дрожали, лицо скривилось от боли. Макс медленно поднял руку, обращая ладонь к земному закату. Рисунок ярко вспыхнул и тут же обратился в прах. Из Дашиной груди вырвался сдавленный стон. Вот, что значит зайти не вовремя. Или сейчас как раз было самое время? Кто знает, что последовало бы за уничтожением картин, не окажись она рядом?

Макс уже исчерпал всю свою Vis Viva, а потому бессильно опустился на пол на подкосившихся ногах. Он был весь мокрый, как замученный негр на южноамериканских плантациях. Теперь, казалось, уже почти невозможно определить, плачет ли он до сих пор.

Видя, что силы у парня уже закончились, Даша сделала то, чего ей самой не хватало при подобных обстоятельствах: села рядом, крепко обняла его и стала осторожно гладить по спине. Тот не сопротивлялся, а может, уже просто ничего не мог.

– Всё будет хорошо. Я рядом. Я всегда за тебя, даже если весь мир отвернётся.

Это была чистая правда. Слова придумывать не приходилось: Даша знала, что нужно людям, когда всё вокруг них рушится. Оказывается ложью. Да и вообще, это нужно в любой момент жизни, независимо от обстоятельств.

– Всё пройдёт. Ты не останешься один. Тебе не будет больно одному. Я разделю с тобой всё, что случится.

Макс не двигался. Даша продолжала обнимать его, глядя на звёзды через хрустальную занавесь, и говорить, говорить. Слова, обращённые к Макс, лились из глубины её души. Души, которой тоже было больно, и которая создала эти слова, будучи на грани отчаяния. Как вакцину от гриппа. Победа над болезнью происходит из болезни. Победа над пустотой и болью – в них самих.

– Ты особенный, Макс. Я прожила миллиарды жизней, и ни в одной не нашла того, что искала. А когда попала сюда, то поняла, что смысл здесь. Он в тебе. В тебе одном. Я не бог, я не могу объяснить всё, что с нами произошло. Но я человек, и я чувствую, что мы встретились не случайно. Рядом ты или нет, в ярости или радости, живой ли, изгнанный... Я всегда буду думать о тебе с теплотой. Всегда буду тебя любить.

На душе у Даши стало легко. Её ничего не смущало, она ничего не ждала, не планировала, не пыталась предсказать или повлиять. Она просто озвучивала свои чувства. А дальше пусть происходит всё, что угодно. Они останутся неизменными.

Люди всегда искали вечности. В боге, в технологиях, в бессмертии. Но небо оставалось глухо к мольбам их сердец, машины ржавели, а жизнь, удлиняясь, становилась пыткой. Спустя миллиарды попыток Даша, последний, совершенный вариант человека, нашла свой путь к бесконечности. Нашла конец нити, за которую – как считалось – дёргала её судьба. Пошла по этой нити – и увидела Макса, стоящего на другом конце.

Макс ничего не сказал. Только поднял уставшие, расцарапанные руки и обнял её в ответ.

Глава 14. Неидеальный план

Даша открыла глаза и увидела, как золотые потоки Vis Viva текут от самого центра её груди по рукам и уходят внутрь спины Макса, словно питая его. «Мысленный импульс, – вспомнила девушка строчку из книги об эйде, – Вот, значит, как это работает».

Максу тем временем стало гораздо лучше. Он выглядел слегка удивлённым, потому что не видел Дашину Vis Viva и недоумевал, почему так быстро избавился от усталости и боли. Впрочем, устранить причину его страданий никому было не под силу.

– Как ты? – спросила девушка.

– Я в порядке. Извини, что тебе пришлось застать меня таким. И... я бы очень хотел ответить тебе взаимностью. Но ты же знаешь, как много из того, о чём обычно мечтают влюблённые, мне неподвластно...

– Да, знаю. Из-за бессмертия, – ответила Дарья, всем видом показывая, что это ничего не меняет.

– Как оказалось, нет, – лицо Макса вновь стало серым, прямо как тогда, когда Даша нашла его на чердаке, – Никакой я не бессмертный. Это всё придумали родители, чтобы я мог добиться большего, чем они. Устроили фальсификацию, чтобы всех обмануть. Всех. Но больше всего обманули меня. Я нашёл мамин дневник на чердаке.

– Что? – изумлённо спросила Дарья, ожидая подробностей.

– Как думаешь, кого охотнее сделают практиком или поднимут в должности: того, кто спустя пару десятков оборотов состарится и умрёт или бессмертного, способного погибнуть только от несчастного случая?

Даша кивнула, поняв, что вопрос риторический. Макс продолжил.

– Когда мне исполнилось двенадцать, и родители поняли, что я обыкновенный смертный парень, которому нравятся девушки, они стали давать мне эти таблетки, – он взял с кровати пустую пачку и презрительно посмотрел на неё, – Мама сказала, что это витамины, без которых я не смогу выжить. А на деле... На деле они отнимали половину этой жизни. Чтобы я сам поверил в то, что я бессмертный. Они знали, что в ином случае я не соглашусь лгать. Родители забрали у меня возможность полноценно любить. Создавать семью. Заводить детей...

– Но почему? Почему они так поступили с тобой?

– Не знаю. Наверное, они сами устали быть на обочине жизни. Устали с утра до вечера работать, а потом возвращаться в этот дом, глядя на Тёмные земли и предаваться несбыточным мечтам о переезде в город. Смертных стало очень мало. Большинство таких, как мои родители, вообще отдают своих детей в приюты, чтобы обеспечить им достойную жизнь. Но мои поступили иначе. Лучше бы уж подбросили меня к порогу радужного дома, как все остальные...

– Не говори так...

– Извини. Я, правда, не знаю, смогу ли такое простить. Впрочем, и страдать осталось недолго, всего каких-то двадцать семь оборотов, – он горько усмехнулся.

– Вот уж нет! – запротестовала Даша, – Мы придумаем, как тебя спасти. И я уже, кстати, кое-что сделала, хотя попытка и оказалась неудачной.

Макс насторожился.

– Что ты сделала?

– Я была на финальном совещании по поводу всего этого симуляционного эксперимента. Попросила, чтобы тебя оправдали.

– И что тебе ответили?

– Сказали, что не могут нарушить закон, – тут лицо Даши засияло от пришедшей идеи, – Значит, мы и оправдаем тебя по закону! Докажем, что ты вмешался справедливо. Это ведь так?

Он покачал головой.

– Я же уже говорил, у меня нет доказательств...

– Расскажи мне всё, – потребовала Даша, – Может, мы ещё сможем их найти.

– Хорошо. Как ты уже слышала на суде, раньше я работал младшим практиком в Центре и имел доступ к твоему эксперименту. Однажды я заметил какую-то подозрительную активность в ДУБе – такую, которой при оптимальных обстоятельствах быть не должно. Это случилось ночью, когда рядом с тобой никого не должно было быть – я задержался совершенно случайно. Чтобы разобраться, что происходит, проник в симуляцию, не получив специального разрешения.

– И что ты увидел? Когда оказался на Земле?

– Ничего. Меня тут же вернули обратно – Белиал зашёл в комнату и понял, что я сделал. Отключил меня и доложил Адоне. После этого по её приказу я сменил звание практика на должность уборщика.

– Неужели Бели... Не похоже на него.

– В том-то и дело. Не хочу настраивать тебя против, но советую быть с ним поосторожнее. Даша задумалась. Макс продолжал.

– В группе уборщиков все наши посещения симуляции строго контролировались. Нас впускали после старших практиков лишь затем, чтобы мы уничтожили следы их присутствия там. Поэтому сейчас мои знания о твоём мире такие обрывочные – помню только то, что успевал заметить краем глаза.

– Так, стоп. Я думала, проникать в симуляцию вообще всем запрещено...

– Не совсем. Запрещено вмешиваться, менять ход событий. Но контролировать происходящее, убеждаться, что всё идёт по плану, было нужно. Практики занимались этим, а мы приходили сразу за ними и следили, чтобы они не оставляли следов.

– Следов?

– Необычных вещей, которых, например, ты ещё не придумала. Телефонов, предметов одежды и прочего. Но я видел и другие следы, которых там быть не должно.

– Какие? – Дарья подалась вперёд.

– Золотую пыль. Такая остаётся после использования очень большого объёма Vis Viva. Она могла возникнуть только оттого, что кто-то из практиков вмешивался в происходящее.

– Ты говорил об этом кому-нибудь?

– Нет. Пыль исчезла быстро, я замечал её только потому, что нас отправляли в симуляцию сразу же по следам практиков. К тому же, после того случая, за который меня понизили, моим словам перестали верить. А другие уборщики отлично подходили для своей работы: им было наплевать на всё вокруг, и они обожали молчать в тряпочку.

– Не уборщики, а спец агенты какие-то...

– Слушай дальше. Перед тем, как ты выиграла путёвку в этот злополучный домик, визиты практиков стали случаться подозрительно часто. Я обнаруживал всё больше золотой пыли: у твоего дома, в заповеднике, особенно в телестудии... Словно кто-то программировал твоё будущее до мельчайших деталей. Устраивал западню. Строил сеть совпадений, которые должны были привести тебя к самоубийству.

– И поэтому ты решил вмешаться?

– Поначалу я хотел восстановить своё имя и справедливость. В итоге – сделал всё, чтобы спасти тебя и уйти незамеченным. Но, как ты уже знаешь, не вышло.

– А ведь я тоже замечала кое-что странное, – вспомнила Даша, – Макс, не знаешь, происходят ли какие-нибудь изменения в мире симуляции, которые уборщики не могут уничтожить?

– Хм... Разве что небольшой энергетический дисбаланс, но он настолько незначителен, что ты бы даже не заинтересовалась причиной его возникновения...

– Заинтересовалась, ещё как. Мой маятник Ньютона... Он не работал по физическим законам Земли как минимум дважды: во время оглашения победителя и перед появлением Бели.

Макс оживился.

– Когда едва заметная доля энергии, существующая на Земле, исчезает, это значит, что кто-то из практиков проник в симуляцию неофициально. Без разрешения, без уборщиков. Если со вторым появлением всё ясно, то первый случай выглядит очень подозрительно.

– Вот! Это зацепка! Мы можем найти в нём какие-нибудь доказательства.

Парень ухмыльнулся, опустив глаза.

– Только если вернуться в симуляцию, причём именно в тот момент.

– Это возможно?

– Нет. Определённо нет. Нас никто не пустит к управлению ДУБом. К тому же, мы не сможем достать из архива файлы с теми событиями, чтобы загрузить их. Не пойдёт.

– Другого варианта, как я понимаю, нет, – Дарья внимательно посмотрела на Макса, который уже жалел, что начал этот разговор и вновь переживал крах надежд, – Я их достану.

– Как?

– Не знаю. Что-нибудь придумаю. А в симуляцию ты проникал уже дважды, проникнешь и в третий раз. Остальное предоставь мне.

В голове у Даши созрел план. Она продумывала его в подробностях всю ночь в домике на границе и всю дорогу до Иса. Он виделся ей настолько идеальным, что девушка чувствовала лёгкость во всём теле и словно летела, а не шагала по земле. Настроение было бодрое и решительное. С таким гордым видом победителя она и вошла в радужный дом.

– Даша, вы были правы! – тут же радостно кинулась к ней Мириам, – Аврам и Сара выбрали Давида! Завтра уже придут его забрать.

– Отлично, – прервала Дарья её восхищённую тираду, – У меня к тебе очень важное дело. Поднимайся ко мне в комнату.

Даша улыбалась во все тридцать два, излагая Мириам свою просьбу. Настоятельница приюта же, по мере осознания того, что от неё требуется, улыбаться переставала. Но желание начальницы всё же выполнила: рассказала о Хаве в мельчайших подробностях, выложив всё, что знала, как на духу. После нерешительно спросила:

– Неужели вы хотите... притвориться Хавой?

– Именно, – серьёзно ответила Дарья.

Мириам заметно нервничала: не могла спокойно сидеть, постоянно гнула пальцы и кусала нижнюю губу. Было видно, что она пытается пересилить себя и сказать что-то важное, но никак не может решиться.

– В чём дело, Мириам? Мы же подруги, можешь рассказать мне всё, что тебя тревожит.

– Скажите, Даша, – наконец, решилась она, – Не собираетесь ли вы притворяться Хавой перед... перед... Белиалом?

– Да. Это я и собираюсь сделать.

– Нет. Пообещайте этого не делать. Иначе я всем расскажу, что вы задумали.

Дарья опешила. Это что, преданность центанской власти? Но почему тогда она не спросила про Адону? Нет, должна быть какая-то другая причина...

– В чём дело, Мириам?

В Дашином голосе послышались начальственные нотки, и девушка совсем растерялась. Она готова была расплакаться в любую секунду. Смотреть на неё было совсем жалко, поэтому Даша смягчилась и взяла её за руку. На удивление, это дало совершенно противоположный эффект: Мириам всё-таки залилась горькими слезами.

– Я не должна никому рассказывать! Но если не скажу, то вас точно раскроют...

– Говори, Мириам. Я сохраню твой секрет, обещаю.

– Хорошо. В общем, Бели, он... Он не бессмертный.

Дарья задумалась. До текущего момента она вообще не задавалась этим вопросом. Все люди с именами, и уж тем более практики из Центра априори казались ей бессмертными – именно так и считали все центанцы. Невозможно представить, чтобы должности на главном, можно сказать, планетообразующем предприятии, доставались кому-то другому.

Было странно осознавать, что смертных оказалось гораздо больше, чем она предполагала. Истинную природу сына скрывали родители Макса, теперь Бели... Сколько ещё людей хранят такую тайну?

Вывод напрашивался всего один – Центан не такой уж идеальный, как показалось на первый взгляд. Как бы не занимались жители этой планеты развитием духовности и социальным обеспечением, людям то и дело приходится скрывать свою сущность – иногда даже самыми жестокими, калечащими способами. Даже несмотря на то, что обман в любом случае должен был раскрыться, они зубами вырывали у судьбы тридцать-сорок лет достойной жизни. Нет, с этой планетой явно что-то было не так.

Но в данный момент Дашу больше занимал вопрос, что же не так с Мириам? Да, она сказала чужой секрет, но Даша была абсолютно уверена, что девушка ей доверяет и не сомневается в данном обещании хранить тайну. В чём же тогда дело? Почему факт смертности Бели привёл её в такое отчаянное состояние?

И тут Даша поняла.

– Мириам, – серьёзно сказала она, – как ты об этом узнала?

Девушка разрыдалась ещё громче.

– Я не хотела... Но он был такой злой! Всё началось, когда вы ушли в симуляцию... Ему приходилось это подолгу скрывать и терпеть, а я ни к кому не могла обратиться. Он говорил, что закроет приют...

– Значит, так, – нахмурившись и прижав к себе плачущую Мириам, сказала Даша, – Никто приют не закроет. Он наш, и только мы решаем, что с ним делать дальше. А к Бели теперь не подходи ближе, чем на пять метров. Если что, скажешь, что это мой прямой приказ. Ты поняла?

Мириам кивнула.

Даша накинула ей на плечи плед и вышла из комнаты. Теперь понятно, почему Мириам так нервничала, когда видела Бели или слышала его имя в разговоре. Вот же сволочь! Сколько ей сейчас лет? Пятнадцать? Семнадцать? На Земле его бы уже давно посадили. Не такую уж и плохую правовую систему, выходит, Даша придумала. Уж точно лучше, чем на Центане.

А может, дело в том, что Бели – любимый приёмный сын Верховного правителя. И достаточно бесчестный и бессовестный человек, чтобы иметь безупречную репутацию. Это уже, кстати, очень по-земному.

В этот момент, раздумывая над произошедшим, Дарья поняла, насколько неидеален её план. Однако это только увеличило её решимость: теперь к желанию спасти Макса прибавилась ещё и жажда справедливого возмездия. Выбрав из гардероба Хавы самый лучший наряд, Даша уверенно направилась к Центру изучения Vis Viva.

Глава 15. Бесконечная пропасть

Найти кабинет Бели оказалось несложно. Пара минут перед блестящей чёрной табличкой на входе – и вот Даша уже на пути к искомому месту. На душе было тревожно, даже плавно закручивающиеся коридоры сейчас не успокаивали, а вселяли суеверный ужас: вот-вот, казалось, должен появиться Вергилий, чтобы провести Дашу к кабинету.

– Потерялись? – Каро, показавший однажды девушке дорогу к залу суда, будто взялся из ниоткуда.

– Нет-нет, – Дарья поддерживала придуманную парой часов ранее легенду, – Я просто осматриваю, что тут успели сделать нового без меня.

Она прошествовала дальше. Двери кабинетов, несмотря на таблички, казались безликими и мелькали перед глазами, как белый шум. Наконец, Даша почувствовала, что перед ней тот самый кабинет – именно почувствовала, буквально за доли секунды перед тем, как увидела. Она сделала медленный вдох, потом такой же медленный выдох. Не помогло. Хотелось открыть дверь и громко закричать, долго возмущаться, а потом отвесить Бели смачную оплеуху. Властное желание, но совершенно непрактичное.

Даша широко распахнула дверь – пожалуй, слегка сильнее, чем следовало бы – и в изумлении застыла на пороге. Шагая по белым коридорам, она думала застать мужчину за чем угодно, но это «что угодно» виделось исключительно преступным и мерзким. Картина же, открывшаяся Дашиному взору, сильно расходилась с этими представлениями.

На секунду ей показалось, что Бели держит на руках младенца, но, приглядевшись, она поняла, что это детёныш гирака. Размером со щенка, он был крошечным и активно пил молочко из бутылки, заботливо придерживаемой рукой Белиала. Мужчина наблюдал за смешным и одновременно милым причмокиванием детёныша, улыбаясь и шепча ему ласковые слова:

– Давай, мой хороший. Вот так. Какой ты у меня молодец!

Даша потеряла дар речи и благодарила фортуны за то, что Бели заметил её не сразу. Злость, добавлявшая ей решительности, сдавала позиции. Девушка пыталась вспомнить всё, что говорили ей Макс и Мириам, но организм напрочь отказывался впадать в ярость и активировать режим берсерка. Разве может человек, с такой нежностью выкармливающий новорождённого детёныша, быть совсем уж отъявленным гадом? Может, они просто в нём ошиблись? Мириам ведь совсем молоденькая, она могла всё просто не так понять... Даша пыталась отогнать эти мысли.

– Давай-ка вытру тебе щёку... Привык уже к папочкиным рукам? Ты вырастешь самым смелым гираком! – О, добрый день, Хава! Иди сюда, погладь его!

Девушка подошла. Он взял её руку в свою и положил на короткую и влажную шёрстку животного. Как ни крути, а это были самые приятные прикосновения: что нежные ладони Бели, что мокрый и тёплый гирак.

Мало того, что план оказался неидеальным, так ещё и жизнь упорно отказывалась ему подчиняться. Но делать было нечего: Даша упорно продолжала осуществлять задуманное.

– Привет, Бели. Я скучала.

Мужчина сразу понял, что скрывалось за этими словами. Он осторожно отложил бутылочку, отнёс гирака на мягкую подушку и встал напротив Даши.

– Хава? Ты...

– Я всё вспомнила. Как мы работали вместе. Как катались на лодке. Как праздновали твой День рождения на самой высокой крыше Иса, – Даша почти по-актёрски профессионально выдала порцию информации, полученной о жизни Хавы.

Бели приобрёл растроганный вид и по уже сложившейся традиции обнял девушку, только теперь он делал это заметно крепче и дольше. Даша не сопротивлялась – пока всё шло по плану. Но лишь до этого момента: в кабинет Бели зашла Адона. Она даже не успела ничего сказать – Бели её опередил.

– Хава всё вспомнила! Она всё вспомнила, мама!

Адона улыбнулась – впервые, и совершенно искренне и по-доброму. Казалось, она готова была прослезиться, но вместо этого расправила руки и присоединилась к объятьям.

– Поздравляю вас, дорогие мои детки, – ласково, совсем не так, как на официальных мероприятиях проговорила она, – Значит, я могу объявлять тиалем?

– Тиалем! – радостно прошептал Бели, обращаясь к Даше, – Я так боялся, что ты не вспомнишь. Мы ведь договорились тайно, прямо перед тем, как ты стала симуляцией, помнишь?

– Конечно, – натянуто улыбнулась девушка. Значения слова она не знала, и это начинало немного напрягать, – конечно, помню.

– Значит, всё в силе?

Отступать было поздно, и Даша поступила так, как всегда поступала в тех случаях, когда ей не удавалось расслышать вопрос собеседника, а переспрашивать было неудобно.

– Да, да, – утвердительно заявила она.

Адона, улыбнувшись, ушла и вскоре показалась снова – уже в облаках и с нимбом.

«Дорогие Центанцы! Сегодня у меня для вас радостная весть. К нашей Хаве, наконец, вернулась память. И я рада объявить вам о том, что она и мой сын Белиал, старший практик Vis Viva в скором времени празднуют тиалем. Поздравим жениха и невесту!».

С улицы слышались крики и аплодисменты. В этот момент Даша мысленно прокляла свою привычку соглашаться со всем, чего не слышит или не понимает, а заодно и фильм «Всегда говори «Да!»». Что подумает Макс, когда увидит с неба такое заявление? А Мириам? Ушла вывести Бели на чистую воду – вернулась его невестой? Нет, об этом даже и думать не нужно. Никакой свадьбы не будет! Однако, чтобы этого избежать, придётся ускорить расследование... но на сколько?

– Три дня – и ты станешь моей женой! Мечты сбываются! – просиял Бели.

– Если это входило в твой план, то, извини, конечно, но это никудышный план, – этими словами Макс встретил Дашу на пороге. Было видно, что он не находил себе места, ожидая её возвращения, – Ты не должна ломать свою жизнь, спасая мою. Мы от этого ничего не выигрываем!

Даша улыбнулась. Даже по сравнению со всеми проблемами, свалившимися на её голову, это приятное «мы» и беспокойство Макса всё равно казались более важным событием. Удивительно, как изменилось её восприятие жизни после встречи с ним. До сих пор даже мельчайшие трудности – красный сигнал светофора, загоревшийся перед ней, упавший на пол кусок колбасы, противного вида тётка, занявшая своими сумками все свободные сидения в автобусе – напрочь выбивали девушку из колеи. Зато чтобы получить хоть каплю удовольствия, Даше требовалось, как минимум, выиграть какой-нибудь конкурс общегосударственного масштаба. А теперь на тебе – две буквы, а какая глупая улыбочка наползает на лицо.

Впрочем, ситуация была поучительная. Прямо как в сказке. Хотя эту историю вряд ли получилось бы адаптировать для детского чтения, мораль её была такова: даже если ты бессмертный, твоя жизнь в один миг может сделаться такой, что позавидуешь приговорённому к смерти. «От суммы и от тюрьмы», говоря по-земному.

Даша пыталась помочь Максиму, но сама оказалась на дне. Как сказал бы лайф-коуч, прекрасно: со дна есть путь только вверх! И девушка поверила бы ему, если бы не узнала на собственном опыте, что никакого дна не существует. Жизнь – это бесконечная пропасть, в кото-

рую сколько ни падай, всё равно не ощутишь под ногами ничего. Наверняка Даша была уверена лишь одном: всегда может стать ещё хуже. Упал кусок колбасы с пиццы – ничего, вся эта итальянская лепёшка может оказаться испорченной. Попал в больницу с отравлением фастфудом – ничего, мог бы и сердечный приступ случиться. Подкосил инфаркт – а мог бы одновременно и инфаркт, и рак. В такой философии был всего один, но очень ощутимый плюс: она не позволяла чересчур горевать и бояться смерти.

– Всё получилось случайно, – объяснила Даша, – План остаётся в силе.

Макс взъерошил волосы правой рукой. Это был его привычный жест, когда он волновался.

– Какой план?

– Я заявила, что всё вспомнила, а значит, могу продолжить работу в качестве младшего практика. Под предлогом какого-нибудь исследования попрошу у Бели ключ от архива и достану запись нужного дня. Ещё в Центре есть прачечная – я видела на указателе. Пойду туда и незаметно возьму эту вашу монашескую рясу, которую потом наденешь ты, чтобы проникнуть в здание вместе со мной и временно взять ДУБ под своё управление. Погружаемся в симуляцию, находим доказательства, доказываем твою невиновность.

– А что потом? Я, оправданный, буду шафером на твой свадьбе?

– Эй, ты чего? – улыбнулась Даша. Фраза звучала как шутка, но слишком уж у Макса было напряжённое лицо, – Не собираюсь я замуж входить. Правда, для этого нам стоит ускорить расследование. На всё про всё трое суток.

– Хорошо, – наконец, согласился Макс. – Тогда завтра ты пойдёшь добывать ключ, а я попробую вспомнить что-нибудь про Крузо. Когда был младшим практиком, хорошо во всём разбирался. Ты тогда, кажется, считала, что живёшь в XV веке или что-то вроде того.

– О, да. Весёлое было времечко. Чума, инквизиция, Крестовые походы... Знаешь, на самом деле эта эпоха до сих пор кажется самой интересной и привлекательной большинству... большинству воплощений меня.

– Неудивительно, – тут Макс развеселился, – Я тогда даже участвовал в одном эксперименте, пожалуй, лучшем из всех, что проводились в симуляции. Он представлял собой что-то вроде игры в салочки с завязанными глазами. Тогда на Землю отправили меня и ещё одного практика – я так и не узнал кого, потому что нам обоим изменили внешность. Целью игры было найти другого любым доступным способом. А способов было множество, учитывая, что эйдыто нам никто не блокировал. Ну и переполох же мы тогда навели! Видела бы ты эти версии себя, которые смотрели на нашу Vis Viva и ничего не понимали. А потом вообразили, будто и сами могут творить нечто подобное. Мне так и не удалось вас переубедить. Кстати, долго ещё продолжалась эта вакханалия с тем, что вы назвали колдовством?

– Не поверишь, – слегка обиженно буркнула Дарья, – Но мы так и не поняли до конца, что не обладаем никакой волшебной силой.

Макс засмеялся.

– Не обижайся. Случись такое со мной, я тоже не догадался бы.

В знак примирения Макс обнял Дашу. Они сидели на пороге его домика, за занавесью из хрусталиков, свесив ноги на землю и наблюдая, как золото течёт вверх по колосьям. По небу плыли облачка, Райн постепенно приближался к горизонту. Девушка заметила, как пристально, но в то же время по-доброму смотрит на неё Макс и решила, что такой идеальный момент для поцелуя упускать нельзя. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть, думала она. Но Макс отвернулся, с тоской уставившись в золотую даль. Даша уже понимала по выражению его лица, о чём он думает.

– Не ставь на себе крест. Ты же больше не пьёшь эти таблетки, может, и их эффект в конце концов закончится?

– Не хочу, чтобы жила напрасными надеждами. Это нечестно, к тому же ещё и мучительно. Так что, если вдруг ты захочешь выйти замуж за Белиала...

– Даже не говори ничего, – сурово прервала его Дарья, – В Бели самое прекрасное – это его блестящие пуговицы. Считаешь, что я настолько пустая и глупая, что мне будет этого достаточно?

– Извини, – серьёзно ответил Макс, – Я так не думаю.

Несколько минут они просидели молча, глядя как последние лучи Райна озаряют небосвод. В этот раз они были лиловыми.

– Если план удастся, и мы станем симуляциями, – сказал вдруг Макс, – Я нарисую для тебя земной закат. Взамен того, что сгорел.

– Ловлю на слове, – легко и печально улыбнулась Даша.

Глава 16. Замочная скважина

Наутро девушка отправилась воплощать свой план в жизнь. Она решила начать с пункта попроще, чтобы настроиться и вдохновиться. Впервые ей пришлось спускаться здесь в подвал – другие здания Иса нижних этажей не имели. Впрочем, как оказалось, центанские подвалы, ровно как и земные, не используются ни для чего прекрасного.

Нижние этажи Центра, если судить по табличке в холле, отводились под прачечную. Несмотря на белый цвет стен, в помещении было мрачно. Ряды машин, шипящих и стучащих, измученные служащие, выполняющие однообразную работу – направление своей Vis Viva на чистые вещи для их высушивания и отглаживания. Они не замечали ничего вокруг, а мышление их сужалось до одной цифры, считающей объём готовых одежд. Это было Даше только на руку. Она сделала вид, что проверяет, как здесь обстоят дела, но даже это оказалось избыточным. Возьми она хоть целую стопку ряс – никто бы не обратил внимания. В Центане кражи не случались уже много больших оборотов, а уж в Центре их, пожалуй, не было никогда. Так что, можно сказать, костюм монаха для Макса достался Даше без особого труда. В этой ситуации произошло то, что происходит всегда в подобных случаях – девушка расслабилась, потеряла бдительность и поэтому привлекла внимание.

А дело было вот в чём: сложив в рюкзак вещи, Даша заприметила массивную дверь, ведущую из прачечной куда-то дальше, вглубь этажа. Так как на табличке не было указано, что за ней находится, девушку обьяло любопытство, и она пошла вперёд.

Даша приоткрыла дверь и заглянула в щёлку. Тут же по телу пробежал холодок: не от увиденного, потому что она ещё не успела осмотреться, а от долетевших до неё звуков. Это были вздохи, стоны и многочисленные бессвязные монологи. Даша сразу поняла, что это: то же самое она уже наблюдала в парке, когда женщина, сидящая на лавочке, вдруг стала исчезать, распадаться ни с того, ни с сего. Интересно, что здесь происходит? Почему это место не отмечено на табличке? И случайно ли оно расположено по соседству с комнатой, которая гулом моторов способна заглушить любые другие звуки?

Девушка вгляделась в длинный коридор, ещё более мрачный, чем прачечная. Ей удалось разглядеть маленькие комнатки с прозрачными стенами. В них были люди, точнее – то, что от них осталось.

Зрелище было то ещё, поэтому Даша аж подпрыгнула, когда почувствовала, что кто-то тронул её сзади за плечо. Она обернулась и увидела служащего в рясе.

– Что-то ищете?

– Нет, – судорожно улыбнулась Даша, – просто зашла поверить, как у вас дела.

Дальше, не в силах сдерживать дрожь в коленях и не дожидаясь следующей реплики, девушка устремилась наверх. Подъём по лестнице занял у неё от силы несколько секунд. Чуть не попала!

«Ты молодец, – мысленно обратилась к себе Даша. Девушка всегда говорила о себе в третьем лице, когда сильно волновалась или совершала что-то запрещённое. В детстве она так успокаивалась, обманывая себя, что это вовсе не она разбила любимую мамину чашку, – Половина плана выполнена. Осталось совсем немного».

На самом деле оставалось много. И следующий пункт плана был особенно рискованный: необходимо попросить Бели дать ключ от архива.

– Привет, Бели. Что делаешь?

Даша зашла в кабинет и села на свободный стул перед рабочим местом своего официального жениха. На столе у него сияла голубым большая голограмма, создаваемая лежащим рядом устройством величиной со спичечный коробок.

– Я пытаюсь создать метод анализа поведения сложных биологических объектов, созданных программой. Однако большая размерность гиперпространства признаков не позволяет подобрать такой критерий оценки, чтобы результат выдавался быстрее, чем за десять оборотов. Думаю, единственное решение – это построить образ всего множества признаков в гиперпространство меньшего размера, но это отрицательно повлияет на результат анализа. Как считаешь?

У Даши отвисла челюсть. Для выпускницы истфака это звучало чересчур фантастично. Неужели Бели что-то заподозрил и устроил таким образом проверку? Если так, то нужно выкручиваться, и немедленно. К счастью, выкручиваться у Даши получалось гораздо лучше, чем программировать.

– Что ты, я же просто младший практик. Если ты не придумал, то у меня и подавно не получится, – пролепетала она.

Кажется, трюк сработал: тщеславие взяло верх над здравым смыслом, и Бели ей поверил.

– Ничего, я тебя ещё научу, – снисходительно ответил он, – А ты чем занимаешься?

– Тоже думаю проанализировать всё, что случилось со мной в симуляции. Такой опыт не просто осознать и принять.

– У нас получится, Хава.

– Разумеется. Но начать я должна одна, поэтому... не одолжишь мне ключ от архива, любимый?

Даша положила свою ладонь на руку Бели и заглянула ему в глаза. Она никогда не была обольстительницей: на счету с корыстной целью сражённых сердец был только пятидесятилетний преподаватель по истории Ближнего Востока. Правда, тогда целью был зачёт, который и так, как выяснилось позже, всем группам доставался автоматом. Голубые глаза Бели сверкнули, как бриллиант в ювелирном магазине. Он выключил голограмму, положил коробок в карман, обошёл стол и присел на его краешек рядом с Дашей. Она такого не ожидала: пришлось даже слегка прижаться к спинке стула.

– Я рад, что ты всё вспомнила.

Бели держал руку Даши и не отводил от неё взгляд. «Нет, до этого не дойдёт. Не дойдёт, точно», – повторяла про себя девушка. Она с самого начала своего безумного плана думала о том, что будет делать, если мужчина вдруг проявит к ней свои чувства, как к Хаве. Но до сих пор внутри теплилась надежда, что этого не случится. А если случится, она легко выкрутится – снова. Но ситуация всё равно была неловкой. Даша решила пойти на маленький компромисс, который, как она надеялась, спасёт её от большего – чмокнула Бели в щёчку.

– Эй! – казалось, такое поведение возмутило его до глубины души, хотя он улыбался и всем видом показывал, что это шутка, – Я тебя вообще-то ждал тысячу оборотов!

Да, как же. Мириам уже рассказала, как он скучал.

– Знаю. Очень долго. Значит, можешь подождать и ещё немного, правда?

– Только немного. Совсе-е-ем немного. До тиалема. Ты же, кажется, придумала там у себя именно такое правило? Интересно, почему?

– Я хотела вообще на всех наложить celibat, – усмехнулась Дарья, – Но большего мужчины не выдержали.

Бели засмеялся.

– Так что? – Даша вернула разговор в нужное русло, – Можно мне ключ от архива?

– Конечно, нет, – он не задумался ни на секунду, – У тебя нет допуска.

Внутри девушки будто упало что-то тяжёлое. Но она не сдавалась.

– Есть. У меня, знаешь ли, жених тут работает старшим практиком. Он меня пустит, из самых нежных чувств.

– Я тебя не пущу. Из самых нежных чувств. Не надо тебе это всё вспоминать. Наоборот, скорее забыть и вернуться к прежней жизни. Иди домой, Хава, ладно?

Даша так оскорбилась, что вышла из кабинета, не прощаясь. Разве что дверь не хлопнула. Действительно, какое неуважение: она притворяется изо всех сил, а Бели не соглашается нарушить должностные инструкции. Кто бы мог подумать!

Подумать, действительно, стоило. Но только не сейчас: Даша знала, что запись достать нужно именно сегодня, чтобы завтра проникнуть в ДУБ. Отложить такое до лучших времён невозможно: дедлайн в виде фаты и венца поджидал уже на рассвете третьего дня.

Девушка, смахнув слезу негодования с покрасневшей щеки и выдохнув, бодрым шагом отправилась в архив. Он находился почти в самом сердце Центра, слева от двери, ведущей в зелёный садик. Зашла она туда очень уверенно. Архив предваряла небольшая комнатка с младшим служащим в рясе, сидящим за столиком в середине помещения. Молодой парень что-то увлечённо писал в тетради, не обращая на Дашу никакого внимания.

Девушка подошла к следующей двери, искоса поглядела на углубление в виде спирали, находящееся на месте замочной скважины. Так вот как должен выглядеть этот злополучный ключ! Даша слегка кашлянула, убедилась, что парень поднял на неё взгляд, и стала шарить в карманах. Спустя пару минут очередного театрального представления, закатив глаза, посмотрела на служащего и голосом недалёкой богатой красавицы заявила:

– Ой, вот опять, забыла ключ в сумочке! Просто кошмар, правда?

Парень молча кивнул и вернулся к тетрадке.

– Не поможете? – вновь отвлекла его Даша.

– Как я могу вам помочь?

– Откройте дверь. Одолжите ключик. Сами выбирайте.

Служащий в рясе сделал расстроенный вид.

– Мне нельзя, вы же знаете, Хава. Попросите Белиала...

– Так он меня за записью и отправил! И, между прочим, если я сейчас же её не принесу, проблемы будут не у меня, а у вас.

Похоже, эти слова показались парню более весомыми. Работой в Центре и тем более репутацией здесь разбрасываться не принято. Поэтому, к ликованию Дарьи, служащий её просьбу выполнил, причём с приятной поспешностью. Спираль вошла в углубление как по маслу, сверкнув золотым. Свысока взглянув на паренька, как и полагалось Хаве, Даша шагнула в архив.

Сказать, что она удивилась – всё равно, что сравнить море с бассейном, в котором запустили искусственные волны. Архив представлял собой комнату, в которой нарушались все мыслимые правила измерений. Белые стены устремлялись в бесконечную светлую высь, коридоры между ними не имели конца – во всяком случае, его невозможно было разглядеть.

– Давно сюда не заходили? – послышался из ниоткуда голос служащего, который поделился своим ключом.

– Да, – едва смогла вымолвить Дарья, – Давно. Совсем забыла... почему здесь всё такое бесконечное?

– Потому что архив находится внутри нашего коллективного сознания. Сами знаете, надёжнее места не придумать.

– Верно. Но зачем тогда дверь?

– Для простоты восприятия. И, пожалуйста, ищите то, что вам нужно. Я знаю, что Белиал не любит ждать.

Голос исчез. Даша не представляла, как ей найти запись и тем более – как она выглядит. Белые стены снизу доверху были увешаны золотыми брелоками: они выглядели как монеты со спиралью на одной стороне и датой на другой, подвешенные на цепочку с кольцом. Первая, самая нижняя подвеска, имела номер 1 – и больше ничего. У Даши замерло сердце: это могло означать только одно. Это она, запись дня сотворения мира. Девушка едва поборолала желание взять и её – когда ещё доведётся увидеть такое! Но она прошла мимо, устремляясь вперёд.

Коридоры складывались в бесконечный лабиринт. Даша постоянно слышала голоса других людей в нём – они тоже искали что-то. Но как бы она не пыталась до них добраться, их нигде не было. Видимо, возможно лишь чувствовать присутствие других. Даже являясь частью коллективного сознания, ты в каком-то смысле всегда остаёшься одинок.

Наконец, Даша добралась до нужной даты – брелока с номером того дня, в который она выиграла поездку в лесной домик. 28 июля 2025. Запустив руку в ряд золотых подвесок, она осторожно сняла с крючка нужную. Затем вспомнила, что должна торопиться, и зашагала к выходу.

Перед самой дверью взгляд вновь зацепился за брелок с номером один. Даша зажмурилась и глубоко вдохнула...

Глава 17. Вспышка

Даша уже подходила к холлу, когда в Центре началась суматоха. Быстрым шагом мимо неё пронеслись несколько мелких служащих. Свет ламп дрогнул и отключился. Магнитное кольцо, являющееся отличительным знаком всех практиков, обожгло ей палец. Даша побежала к двери, ведущей наружу и, свернув в последний коридор, заметила, что она закрывается: огромные металлические створки неумолимо приближались к другу, оставалась лишь тонкая щёлка, в которую мог пробиться, разве что, закатный луч. Девушка, сама не зная, зачем, кинулась вперёд и упёрлась руками в механизм. Райн сверкнул ей в глаза светло-фиолетовым, словно касаясь щеки напоследок перед долгим расставанием. Двери сомкнулись. Даша села на пол, прислонившись к ним и обняв рюкзак, полный улик.

«Всё пропало. Они узнали, что я украла запись», – с ужасом подумала девушка.

Тут она заметила, что рядом расположилась какая-то женщина с подростком лет двенадцати. Они были скорее недовольны, чем обеспокоены. Женщина достала из сумочки манху и дала её дочери. Та ела неохотно.

– И надолго мы тут застряли, мам? – спросила она, пережёвывая манху.

– Может, на пару часов. Может, на ночь. Не переживай, ешь спокойно.

– Почему из-за этих вспышек всегда такая паника? Почему мы всегда запираемся от них чуть ли не в бункере?

Даша прислушалась. Вспышки? Так это не из-за неё здесь всё перекрыли?

– Ты же знаешь, восьмёрка, – отвечала мать. У девочки не было имени, как и у Макса, – С магнуситом шутки плохи. Когда происходят вспышки его активности, внутри Центана или в Каине, это приводит к тому, что Vis Viva становится непредсказуемой. Многие люди начинают стремительно распадаться именно в эти периоды. А помнишь, как однажды обрушилась школа в северной части города? Из-за того, что...

– ...что какой-то строитель вопреки инструкциям использовал Vis Viva. Поэтому в таких случаях мы должны как можно скорее закрыться в помещении и выключить все приборы, так или иначе использующие Vis Viva, – недовольно добавила дочь, которой, похоже, напоминали об этом не в первый раз.

– Вот именно. Нам ещё повезло, что мы оказались здесь. Центр – самое надёжное место. Переждём опасность, пойдём домой.

Дашу охватила тревога. В Центре было угнетающе тихо и темно. Сколько придётся здесь пробыть? И как же там Макс? Девушка вспомнила нежный перезвон хрусталиков на занавесках. Как ему запереться дома, если там даже двери нет?

Металл безжалостно охлаждал спину. Даша закрыла глаза и приготовилась терпеть. Вошла в состояние, которому позавидовал бы даже избавившийся от всего мирского столетний тибетский монах.

Из этой стоической медитации её вырвало чьё-то прикосновение. Ещё не открыв глаза, Даша знала, кто это: такие тёплые и приятные руки были только у Бели.

– Ты чего сидишь здесь, на полу? Почему не пришла ко мне в кабинет? Я тебя по всему Центру ищу! – Бели заметно нервничал.

Даша не ответила. Она не знала, как в таком случае повела бы себя Хава, поэтому совершенно растерялась. Бели подал ей руку, она встала. Через несколько минут они уже сидели в его кабинете, тёмном и пустом: кроме стола и нескольких стульев там больше ничего не было. Даже окна плотно закрывались непроницаемым железным листом: видимо, он опустился вместе с закрытием дверей.

Бели достал из-под стола небольшой полукруглый сосуд со светлячками. Это были немного другие бабочки: их крылья светились не золотым, а голубым. Самодельная лампа

напоминала месяц, лежащий на облаке. В любых других обстоятельствах Даша сочла бы обстановку довольно романтичной.

– Кажется, будто сама судьба не хочет, чтобы ты отходила от меня далеко, да? – улыбнулся Бели.

Девушка уныло кивнула. То, что фортуна явно препятствовала её желаниям, было ясно как день.

– Надеюсь, к утру всё закончится. Не хотелось бы проводить тиалем в Центре и без света. Хотя с ними было бы довольно романтично, – он постучал по сосуду с бабочками. Мотыльки засияли ещё ярче.

– Завтра? Ты же говорил ещё три дня?

– Ну да. Я посчитал включительно, как всегда.

У девушки всё внутри сжалось, дыхание остановилось, сердце пропустило несколько ударов. К счастью, в этой темноте не было видно, как она побледнела, осознав, что времени нет. Свадьба состоится завтра на рассвете, а значит, у неё не будет времени не то, что проверить план, но и даже добраться до дома Макса.

– Волнуешься?

Даша кивнула. Говорить она всё ещё не могла.

– А я думал, Хаву ничто не сможет сбить с толку. Растрогать. Взволновать. Но любви, как оказалось, все сердца покоряются одинаково.

Бели, как всегда, сиял от гордости за самого себя. Он считал, что смущение первого эйда – его заслуга. Следствие великолепной мужской харизмы и результат работы гениального ума.

– Почему ты не расскажешь всем, что ты не бессмертный? – Даша хотела поскорее перевести тему, и, желательно, так, чтобы не созерцать его чересчур довольную физиономию.

Ей это удалось – Бели поморщился. Как верно угадала девушка, этот факт сильно задевал его самолюбие.

– Мы это уже обсуждали, Хава, – мужчина хотел остановиться на этом, но не смог. Он нуждался в очередном объяснении, прежде всего, для самого себя, для успокоения, уверенности в своей правоте, – У меня целый Центр подчинённых. Будут ли они меня слушаться, когда узнают правду? Нет, я, конечно, лучший из профессионалов, но им ведь не объяснишь. Так что давай оставим эту тему.

Бели сдвинул рабочий стол чуть на себя, затем – внутрь пола, в открывшуюся полость. Вместо него наверх поднялся мягкий кожаный диванчик.

– Пойдём спать.

Даша осталась сидеть.

– Пойдём, – настойчиво повторил Бели, – Не переживай, ты уже испортила мне романтическое настроение. К тому же, я не нарушаю данных обещаний.

Даша, вздохнув, села на диван, поджала ноги и положила голову на мягкий подлокотник. Бели сделал то же самое, устроившись головой в другую сторону – он всё ещё выглядел обиженным. Даше стало совестно: всё-таки мужчина не раз беспокоился о ней. И когда она пропала, уйдя к Максусу, и на той зелёной поляне с дубом, и сейчас...

– Спокойной ночи, Бели.

– Спокойной ночи, Хава.

Даша стояла на крыше Центра в белом платье с красной лентой, спускающейся спиралью с левого плеча до самого подола. В руках у неё был букет белых цветов, прожилки которых пульсировали медленнодвигающимся по бутонам золотым соком. Рядом за кругом декоративных заградительных заборчиков собрался чуть ли весь Ис: краем глаза Даша заметила недоумевающую и сочувствующую Мириам, Сару и Аврама, Давида, счастливо поедающего леденец,

учительницу, класс сирот, дисциплинированно выстроившихся в ряд. В центре ограждённого пространства возвышался красный шатёр.

– Что там, внутри? – спросила Даша у стоящего с ней рядом Каро в парадной чёрной мантии, похожей на ту, что надевают выпускники в университетах. Он играл роль кого-то вроде свидетеля и главного помощника.

– Вы же знаете.

– Знаю, – соврала Дарья, – Но не видела. Замуж-то первый раз выхожу. А ты вернулся оттуда две минуты назад.

– Белиал хочет, чтобы это был сюрприз. Но там очень красиво, можете мне проверить.

Каро снова отошёл, и Даша, видя, что за ней не так уж пристально следят, придвинулась к Мириам. Та наклонилась к девушке из-за заборчика.

– Даша, что вы делаете? Вас раскусили?

– Нет. Я не знаю... Скажи, Мириам, что меня ждёт внутри шатра?

– Ритуал единения. У нас считается, что влюблённые должны разделять судьбу того, кого любят. Внутри будет стоять механизм, на который жених и невеста кладут руки. Происходит вспышка, которая означает, что теперь молодожёны равны перед судьбой. Независимо от того, какими они были, после ритуала оба становятся или бессмертными, или смертными, а ещё приобретают или теряют способность к продолжению рода.

– Или? А они заранее знают результат?

– Нет. Оба принимают судьбу того, чей эйд старше. Но его возраст невозможно определить существующими приборами.

– Похоже, тиалем у вас – редкая вещь, – не смогла сдержать своей иронии Даша.

– Очень. Пока вы были в симуляции, в Исе играли только один тиалем, Аврама и Сары.

– И как всё прошло?

– Сара потеряла возможность иметь детей и стала бессмертной. А для Аврама ничего не изменилось. Его эйд оказался старше.

Даша судорожно сглотнула.

– Но ваш случай – особый. Первый эйд – самый старший эйд. Результат известен заранее, вот такая толпа и собралась. Все хотят посмотреть на Белиала, только что обретшего способность иметь детей. Тут даже ставки делают, выйдет ли он из шатра. Мужчины говорят, что ритуал сразу же перейдёт... ну, в создание нового жителя Иса.

Даша усмехнулась. Всё понятно. Значит, таким образом Бели хочет обрести бессмертие, сохранив свои репродуктивные способности. Хочет сам стать таким же, как первый эйд. А она ещё боялась, что может задеть какие-то его чувства...

На площадку вышел Бели, тоже весь в белом, сверкая пуговицами на рубашке. Он помахал толпе, как поп-звезда, центанцы заплотировали. Даша поняла, что у неё осталось время всего на один вопрос.

– Мириам, что слышно насчёт вчерашней вспышки? Есть пострадавшие?

– Не знаю, Даша. Говорят, за одной дамой со второго кольца стали гоняться мотыльки, потому что она по ошибке достала банку с золотыми, а не с голубыми. Но с ней всё хорошо.

Даша немного успокоилась. Раз серьёзных разрушений нигде нет, наверняка и с Максом тоже всё в порядке.

Когда человек растерян и совершенно не знает, что ему делать дальше, он плывёт по течению. Это непреложная истина, даже если этот человек видит, что река несёт его к обрыву. Даже если к обрыву его несут другие люди. Сопротивляться можно, только если в твоих руках есть хоть что-то: бревно, надувной круг, спасательный плот. У Даши в руках были только краденые вещи. Поэтому, когда Белиал, насладившись всеобщим вниманием, наконец, вспомнил о ней и поманил к себе, она пошла. По лицам стоящих вдоль забора служащих можно было прочесть, что они не намерены никого не только не впускать, но и не выпускать.

– Привет, невеста, – приветствовал Белиал.

– Привет.

Она не видела его с утра. Дашу разбудила Лахесис, принеся ей платье и завтрак. К слову сказать, не манху, а яблоки – самые обыкновенные. Как она поняла по виду женщины, это был широкий жест со стороны Бели, потому что на выращивание фруктов уходит очень много Vis Viva, и они считаются здесь большим деликатесом. Однако даже из уважения поесть не получилось – кусок в горло не лез. Даша пыталась придумать хоть какой-то способ избежать того, что приближалось неотвратно, но она чувствовала явное противоречие в этой задаче. Так ничего и не придумав, решила ждать озарения. До сих пор оно так и не пришло, в отличие от судьбы в образе пожилого мужчины с косичкой – как Даша услышала в толпе, его звали Хокма. Он встал перед ней и Бели и начал свою речь, больше похожую на проповедь и обращённую скорее к народу, чем к ним двоим.

«Жизнь наша – спираль. Мы постоянно возвращаемся к вечным вопросам, взрослея, мудрея и изменяясь. С каждым витком мы стремимся всё выше, и выше, и выше. Но если сорвёмся, то полетим вниз быстро, как бусинка по пружине. У всех ведь была такая игрушка в детстве: камешек с отверстием посередине и растянутая пружина. Мы толкали её пальцем до самого конца, а потом отпускали, наблюдая за стремительным полётом.

Для того, чтобы закрепить камушек в одном положении, нужно подобрать бусину с таким отверстием, чтобы она сидела на пружине крепко и двигалась лишь тогда, когда мы захотим её подвинуть. Вот почему так важно подходить друг другу. Вы, Хава и Белиал – как бусинка и спираль. И, я думаю, никто не поспорит, что вы идеальная пара. Поэтому сможете достичь такой высоты, которой ещё никто не достигал. Вместе.

Обычно ритуал единения – самый интригующий свадебный сюрприз для молодожёнов. В нашем же случае результат известен. И мы возносим благодарность щедрому сердцу нашего первого эйда, нашей Хавы, которая великодушно решила разделить бессмертие и продолжить род с самым достойным мужчиной всего Центана. Прошу вас, войдите в шатёр – и примите свою судьбу!».

Из шатра показалась Лахесис и жестом пригласила их внутрь. Бели потянул Дашу за руку, но та стояла, крепко упираясь ногами в гладкую крышу, как осёл, который понял, что морковка держится на верёвочке и он не получит её, даже если будет послушным всю свою ослиную жизнь. До неё вдруг дошло, что происходит. И ещё что у неё уже есть на примете один человек, которому позарез нужно бессмертие и эти пресловутые «репродуктивные способности». А такой подарок, на который пытается развести её Белиал, явно можно сделать лишь раз – об этом ей не говорили, но догадаться было не трудно.

Надо было срочно что-то делать. Уйти просто так невозможно, да и что подумает о ней Адона и другие люди, справедливые и уважаемые? Нет, необходимо как-то всё объяснить.

– Простите! – громко сказала Даша. Народ, до этого свистящий и аплодирующий, притих от неожиданности, – Я не согласна. Я не хочу, чтобы вас, жителей Иса, обманывали. И не хочу становиться частью этого обмана. Белиал – не тот, кого вы в нём видите. Он не бессмертный!

В толпе послышался шёпот. Из-за шатра вышла Адона, но Бели жестом остановил её. Даша продолжила.

– Он скрывал это ото всех, потому что на Центане скорее предпочтут сразу умереть, чем прожить смертную жизнь. Потому что вы предвзято относитесь к тем, чьи клетки не способны постоянно обновляться в одинаково быстром темпе. Смертные родители подбрасывают детей в приюты, чтобы сделать их жизнь достойной. Разве это правильно? Это справедливо? Как вы это допустили? Вы, центанцы, поставившие духовную жизнь выше телесной? Меня не было здесь всего три больших оборота, но я уже не узнаю свою родную планету. Свой родной город. Где то райское местечко, в котором каждый был на своём месте? В котором каждый знал, что он важен, каждый чувствовал себя счастливым? Я первый эйд. Вы ждёте от меня, что я раз-

делю свою судьбу с самым достойным. И я сделаю это. Я сделаю это, и всю свою бессмертную жизнь мы посвятим любви и Центану. Но этим человеком будет не Белиал. Потому что с таким подарком ни в коем случае нельзя ошибиться.

Даша освободила свою ладонь от руки Бели. Младшие служащие переглянулись и стали нервно переминаться с ноги на ногу. Тот, что стоял у двери вниз, на чердак, закрыл её на ключ так, чтобы девушка это заметила. Это ещё что? Кто отдал ему такой приказ?

Прямой путь к отступлению был отрезан. Но оставался ещё запасной, который монахи-охранники не учили – пожарная лестница. Да, они были и здесь, на Центане, ведь с умением поджигать предметы с помощью *Vis Viva* легко устроить пожар в считанные секунды. Однако площадка была круглой, замкнутой, а значит, нужно было с первого раза перепрыгнуть через заборчик. Хава снова нашла в толпе Мириам – раскрасневшаяся девчушка чуть кивнула ей. Ждать больше времени не было – ситуация вела к тому, что её просто арестуют на месте или что-то в этом духе. Кто знает, что она сделала этим своим монологом? Может, за это как раз можно инкриминировать обиду, которая страшнее нанесения тяжких телесных?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.